

ISSN 3033-5795

Новые горизонты русистики

2025

№ 3 (29)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственный секретарь — канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — канд. филол. наук **В. А. Рязанова**, ст. преп. **А. С. Бурляй**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**.

Technical editors — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova**, senior lecturer **A. S. Burlyai**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **E. V. Arkhipova** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Bezrukov** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **M. G. Evseeva** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **E. L. Erokhina** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **A. I. Ivanitsky** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor **N. P. Kurmakayeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Candidate of Philology, Associate Professor **V. I. Mozgovoy** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **M. Y. Sidorova** (Lomonosov Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **I. A. Sotova** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **A. A. Shtets** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 230-11/2025).

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 125009, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, ул. Тверская, д. 11, стр. 1.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 4.
Тел.: +7 856 302 92 33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета. Протокол № 15 от 02.12.2025 г.

© Донецкий государственный университет, 2025

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 3 (29)
2025

С о д е р ж а н и е

Лексикология и стилистика

- Аксенова К. А.** Отношение человека к труду в русской фразеологии 3
Листова А. М. Этнолингвистический аспект плеванья в народной культуре (на материале архангельских говоров) 9

Дискурсология и генристика

- Набхан А. С.** Концепт «бизнес» в социокультурном пространстве (по данным национального корпуса русского языка и свободного ассоциативного эксперимента) 15

Словообразование и грамматика

- Разумная Е. В.** Графические сокращения как объект прескриптивного описания 22
Чистоклетова А. В. Аббревиатурная парадигма как лингвистическая категория 29

Методика преподавания русского языка

- Тохтарова В. И.** Методика включения интернет-фольклора в преподавание русского языка: языковая игра и мемы как отражение языковой картины мира 40
Худякова К. А., Чишко Д. В. Формирование навыков осознанного чтения у младших школьников средствами театрализации образовательного процесса 50

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Чернышова К. Д.** «Тоска» в творчестве Чехова в лингвокультурном освещении 58
Правила оформления материалов 65

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

№ 3 (29)
2025

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

- Aksenova K. A.** The relationship of a person to work in russian phraseology 3
Listova A. M. Ethnolinguistic aspects of spitting in folk culture (based on Arkhangelsk dialects) 9

Discourse and Genristics

- Nabhan A.S.** The concept of "business" in the socio-cultural space (according to the national corpus of the russian language and free associative experiment" 15

Derivation and Grammar

- Razumnaya E. V.** The graphical abbreviations as an object of prescriptive descriptionhe 22
Chistokletova A. V. Abbreviated paradigm as a linguistic category 29

Methods of teaching the Russian language

- Tokhtarova V. I.** The methodology of including internet folklore in russian language teaching: language play and memes as a reflection of the linguistic worldview (using the example of students in grades 5-8) 40
Khudyakova K.A., Chishko D. V. Formation of conscious reading skills in primary school students through theatricalization of the educational process 50

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Chernyshova K.D.** «Toska» in Chekhov's works in a linguocultural terms 58
Rules for the design of materials 65

ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ТРУДУ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается отношение человека к труду в русской фразеологии на материале «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Анализируются фразеологические единицы с положительной и отрицательной коннотацией, выражающие оценку трудолюбия, мастерства, усердия или, напротив, лени, халатности и безделья. Выявляются типы метафор (вещные, зооморфные, антропоморфные), исторический контекст семантики фразеологизмов и их роль в трансляции культурных ценностей. Особое внимание уделяется вопросу: ленив ли русский человек? На основе анализа делается вывод о доминировании в русской лингвокультуре идеала трудолюбия как моральной нормы и основы национального характера, где лень осуждается как отклонение.

Ключевые слова: русская фразеология, отношение к труду, трудолюбие, лень, оценочная коннотация, культурные ценности, метафоры во фразеологизмах, национальный характер, семантический анализ.

Проблема отражения отношения человека к труду во фразеологии русского языка давно занимает центральное место в отечественной лингвистике и лингвокультурологии. Ведущие исследователи-фразеологи неоднократно подчеркивали, что фразеологические единицы выступают своеобразным «зеркалом» национального мировидения, накапливая культурно-исторический опыт народа и его аксиологические установки.

Так, В. Н. Телия, одна из основоположников лингвокультурологического направления во фразеологии, отмечает, что фразеологизмы представляют собой «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», а система их образов кумулирует культурно-национальные ценности, включая моральную оценку труда как одной из ключевых добродетелей [5, с. 9]. По её мнению, экспрессивность и образность фразеологии позволяют ярко выражать как позитивное отношение к усердию и мастерству, так и осуждение лени и халатности.

Н. М. Шанский, заложивший основы современной классификации фразеологических единиц русского языка, в своих работах акцентировал внимание на семантической слитности и высокой экспрессивности оборотов, отражающих трудовые качества человека. Он подчеркивал, что фразеологизмы часто сохраняют архаичные пласты лексики, связанные с народным бытом и ремёслами, и служат важным источником для изучения эволюции социальных норм [8].

В. М. Мокиенко, развивая историко-этимологический подход к фразеологии, подробно анализирует происхождение многих выражений, связанных с трудом, показывая, как они сохраняют следы древних занятий (ремесел, земледелия, промыслов) и одновременно осуждают безделье как социальный порок. В его исследованиях подчеркивается, что фразеологический фонд русского языка демонстрирует устойчивую тенденцию к прославлению трудолюбия и выносливости, опровергая стереотипы о якобы национальной склонности к праздности [3].

Эти исследования заложили методологическую основу для анализа фразеологии как лингвокультурного феномена. Настоящая статья опирается на данную традицию,

используя материал «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как репрезентативный источник современных фразеологических единиц с их толкованиями и примерами употребления. Особое внимание уделяется оценочной коннотации фразеологизмов, выражающих отношение к трудовым качествам человека, типам метафор (вещным, зооморфным, антропоморфным), историческому контексту их семантики, а также роли в трансляции культурных ценностей. Центральным вопросом исследования становится: подтверждается ли фразеологическим материалом стереотип о «ленивом русском человеке», или, напротив, язык свидетельствует о доминировании идеала трудолюбия как моральной нормы и мерила личной состоятельности? Анализ позволяет не только описать положительную и отрицательную оценку труда, но и выявить глубинные культурные доминанты русской лингвокультуры в современном контексте.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой труд определяется как целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей; работа, занятие; усилие, направленное к достижению чего-нибудь; результат деятельности, работы; привитие умений и навыков в какой-нибудь профессиональной деятельности [4, с. 814]. Это определение подчеркивает многоаспектность труда как не только физического или интеллектуального усилия, но и как процесса, формирующего личность и общество. Фразеологические единицы, связанные с трудовыми способностями человека, выполняют оценочно-характеризующую и экспрессивную функции. Они не только описывают отношение к труду, но и передают культурные ценности, подчеркивая важность усердия, мастерства или, напротив, осуждая лень и безответственность. Оценка трудовых качеств делится на положительную и отрицательную, что позволяет через анализ фразеологизмов ответить на вопрос: ленив ли русский человек? Как показывает лингвистический материал, русская фразеология скорее подчеркивает ценность труда и осуждает лень, отражая исторически сложившийся идеал трудолюбия как основы национального характера.

Фразеологизмы с положительной коннотацией часто метафорически усиливают значимость трудолюбия и профессионализма. Например, выражение *золотые руки* (высокое мастерство) подразумевает, что умелые руки определяются как драгоценность, что подтверждается в словаре Ожегова: «золотой» здесь используется в значении «очень хороший, ценный» [4, с. 197]. Аналогично, *мастер на все руки* (универсальность в работе) описывает человека, способного справиться с любой задачей, подчеркивая универсальность навыков. Выражение *гореть на работе* (полная самоотдача) ассоциируется со стихией огня, символизирующей энтузиазм и энергию; в словаре «гореть» в переносном смысле означает «испытывать сильное чувство, страсть» [4, с. 124]. Другие примеры включают *в поте лица* (упорный труд), где «пот» символизирует физическое напряжение, как указано в этимологическом словаре Н. М. Шанского: «пот» — «соленая жидкость, выделяемая железами кожи при усиленной работе» [7], но во фразеологии это усилие возвышается до моральной ценности. *Работать не покладая рук* (без остановки) подразумевает непрерывность усилий, а *работать с огоньком* (с энтузиазмом) добавляет эмоциональный оттенок радости от труда. Еще один фразеологизм — *зарабатывать своим (собственным) горбом* (человек трудолюбивый, упорный и настойчивый в работе) — отсылает к физическому изгибу спины во время тяжелой работы, где «горб» метафорически означает бремя труда, но с положительной оценкой самостоятельности. Эти выражения часто основаны на образах ценности («золотые»), стихии («гореть») или физических усилий («пот»), что подчеркивает уважение к труду в русской культуре.

К положительной оценке можно добавить и другие фразеологизмы, отражающие усердие и мастерство. Например, *работать засучив рукава* означает трудиться энергично и без промедлений, где «засучить» подразумевает подготовку к делу [4, с. 189]. *Дело горит в руках* (успешное выполнение) предполагает, что работа спорится, как огонь, символизируя эффективность. Из словаря фразеологизмов мы видим *не покладая рук* как синоним неустанного труда, а *трудиться как пчела* (усердие) сравнивает человека с насекомым, известным своей организованностью и продуктивностью [4, с. 602]. Такие выражения подчеркивают, что в русской лингвокультуре труд — это не только необходимость, но и источник гордости и самореализации. Анализ показывает, что положительных фразеологизмов значительно больше, чем нейтральных, что опровергает стереотип о лени русского человека, подчеркивая вместо этого его трудолюбие как культурный идеал.

Отрицательная оценка доминирует в выражениях, высмеивающих лень или небрежность. Например, *работать спустя рукава* (халатность) подразумевает небрежность, где «спустя рукава» отсылает к опущенным рукавам, мешающим работе [4, с. 712]. *Бить баклуши* (бездельничать) — классический пример, где «баклуши» изначально означали простые заготовки для ложек, но со временем стало символом пустого времяпровождения. *Лодыря гонять* (пренебрегать обязанностями) связано с «лодырь» — лентяй, как указано в словаре: «человек, избегающий работы» [4, с. 306]. *Сидеть сложа руки* (бездействовать) буквально означает сидеть с скрещенными руками, не прикладывая усилий [4, с. 702]. *Топорная работа* (не прикладывая стараний) подразумевает грубую, некачественную работу, где «топорный» — «грубый, неуклюжий» [4, с. 782]. *Носить воду решетом* (безрезультатность трудовой деятельности) использует образ бесполезного действия, а *бьётся как рыба об лёд* (бессмысленная деятельность) сравнивает усилия с бесполезной борьбой рыбы [4, с. 661]. Наконец, *работать из-под палки* (нежелание выполнять обязанности) подразумевает принуждение, где «палка» — символ наказания. Такие фразеологизмы используют гиперболу (*спустя рукава*) или иронию, усиливая критический посыл.

Расширяя отрицательную группу, можно включить *палец о палец не ударить* (не сделать ничего), где акцент на полной пассивности [4, с. 368], или *валить дурака* (бездельничать), подразумевающее притворство в безделии [4, с. 52]. *Переливать из пустого в порожнее* (бесполезное занятие) отражает цикличность пустых действий, а *толоочь воду в ступе* (то же) использует образ бесполезного труда. *Лень-матушка раньше нас родилась* (поговорка, ставшая фразеологизмом) подразумевает лень как врожденный порок. Эти примеры показывают, что русская фразеология жестко осуждает лень, видя в ней угрозу социальному порядку, но количество таких выражений не доминирует над положительными, что говорит о балансе: лень признается, но как отклонение от нормы трудолюбия.

Отметим, что в данной группе фразеологизмов присутствуют вещные метафоры, связывающие труд с материальными объектами: *золотые руки* — мастерство как драгоценность, *железная дисциплина* (непреклонность), где «железный» означает твердый, *тянуть лямку* (монотонная работа), отсылающее к лямке как части упряжи [4, с. 798], *вкалывать как проклятый* (тяжелый труд, сравнение с проклятием). Фигурируют и антропоморфизмы, приписывающие активность неодушевленному: *работа кипит* (энергичный процесс), *дело горит в руках* (успешное выполнение), *время работает на нас* (абстрактное понятие как союзник). Можно встретить и зооморфные метафоры, где животные становятся символами трудовых качеств: *трудиться как пчела* (усердие), *работать как вол* (тяжелый физический труд), где «вол» — сильное животное [4, с. 82], *бегать как белка в колесе* (суетливая, но

бесполезная деятельность) [4, с. 42]. Эти метафоры обогащают язык, делая оценку труда более яркой и эмоциональной.

Добавим, что исторический контекст часто влияет на семантику. Например, *бить баклуши* изначально означало подготовку заготовок для ложек — простое занятие, но со временем приобрело значение безделья, отражая эволюцию от ремесла к иронии над праздностью [4, с. 28]. Аналогично, *тянуть лямку* происходит из эпохи крепостного права, где лямка символизировала тяжелый крестьянский труд. Фразеологизм *в поте лица* восходит к библейскому тексту, интегрированному в русскую культуру, подчеркивая труд как наказание и искупление. *Работать из-под палки* связано с эпохой принудительного труда, осуждая отсутствие внутренней мотивации. Такие исторические слои показывают, как фразеология накапливает опыт поколений, где труд — это не только экономическая необходимость, но и этическая норма. «Отношение к труду, к человеку по его труду закреплено во множестве крылатых выражений и паремий. Это свидетельствует, что труд для жителя Донбасса стал мерилом всего, а концепт *труд* является одной из наиболее значимых ментальных доминант в сознании донбассовца» [1, с. 28].

Особый интерес представляет сравнительный анализ фразеологизмов с пословицами и паремиями, выражающими отношение к труду. Пословицы, как и фразеологизмы, фиксируют народную мудрость и часто имеют более прямой дидактический характер. Например, пословица *без труда не вытащишь и рыбку из пруда* подчеркивает необходимость усилий для достижения результата, где образ рыбалки метафорически представляет любую деятельность [4, с. 592]. Аналогично, *труд человека кормит, а лень портит* прямо противопоставляет трудолюбие и лень, оценивая первое как источник благополучия, а второе — как разрушительную силу. Такие паремии усиливают моральную оценку: труд возвышается до жизненного принципа, а безделье осуждается как порок. В словаре Ожегова отмечается, что подобные выражения отражают «народный опыт», где труд — это не только физическое действие, но и этическая категория. В этом контексте стоит отметить, что фразеологизмы часто эволюционируют из пословиц или взаимодействуют с ними. Например, выражение *дело мастера боится* имеет пословичный характер и подразумевает, что истинный профессионал справится с любой задачей, где «боится» используется в переносном смысле «поддаётся». Пословица *кто не работает, тот не ест* (библейского происхождения, но укоренившаяся в русской культуре) усиливает социальную норму, осуждая паразитизм. Такие единицы языка показывают, что в русской традиции труд ассоциируется с достоинством и самостоятельностью, а лень — с потерей уважения в обществе. Сравнение положительных и отрицательных единиц позволяет количественно оценить доминирование идеала трудолюбия. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и современных фразеологических словарях (например, у А. И. Фёдорова) фразеологизмов, позитивно оценивающих труд, значительно больше, чем негативных. Это подтверждает вывод о том, что стереотип «ленивого русского человека», иногда встречающийся в западной литературе или публицистике, не находит опоры в языковом материале. Напротив, язык активно пропагандирует усердие: *работа не волк, в лес не убежит* иронизирует над отговорками лентяев, побуждая к действию. Даже в выражениях с негативной коннотацией, таких как *бегать как белка в колесе*, подразумевается не лень, а бесполезная суета, что всё равно осуждает неэффективность, но не отвергает сам труд.

В региональном аспекте, как отмечают исследователи донецкого региолекта, концепт труда приобретает дополнительные оттенки, связанные с тяжёлым физическим трудом (шахтёрским, промышленным). Местные выражения подчеркивают выносливость и коллективизм в работе, что перекликается с общерусской традицией,

но усиливает её историческим опытом индустриального региона. Таким образом, фразеологизмы и поговорки совместно формируют аксиологическую картину мира, где труд выступает как высшая ценность. Это позволяет утверждать, что русский человек в языковом сознании предстаёт не ленивым, а требовательным к себе и окружающим в вопросах труда, где мастерство и усердие — ключ к социальной и моральной состоятельности.

Русская лингвокультура традиционно ценит трудолюбие, выносливость и мастерство как ключевые черты национального характера. Идеал работника ярко отражается во фразеологизмах с положительной коннотацией: *семь потов сошло* подчеркивает преодоление серьёзных трудностей, где образ «пота» усиливает идею жертвы и физического напряжения; *дело мастера боится* утверждает профессионализм как залог успеха, подразумевая, что истинное мастерство способно «победить» любую сложную задачу. Такие выражения возводят труд в ранг добродетели, показывая, что усердие не только приносит результат, но и формирует личность. Одновременно язык жестко осуждает формализм и халатность: *для галочки* высмеивает работу ради видимости.

В контексте вопроса о том, ленив ли русский человек, фразеологический материал убедительно свидетельствует против устоявшегося стереотипа. Хотя отрицательные выражения о лени действительно многочисленны и экспрессивно ярки (*бить баклуши, спустя рукава, палец о палец не ударить*), они выполняют преимущественно дидактическую функцию — осуждение и предостережение, а не описание нормы повседневного поведения. Положительные фразеологизмы, напротив, количественно и семантически доминируют, подчеркивая труд как основу национального характера и путь к личному и общественному благополучию (*брать быка за рога, в поте лица, не покладая рук, руки горят*). Как отмечается в этнолингвистических исследованиях, русская культура видит в труде не только средство выживания, но и способ самореализации, источник уважения и социального статуса, тогда как лень воспринимается как опасный порок, ведущий к моральной и материальной деградации. Таким образом, русский человек в зеркале фразеологии предстаёт скорее трудолюбивым и выносливым, борющийся с ленью как отклонением от идеала, её язык активно критикует и высмеивает, побуждая человека к исправлению.

Фразеологизмы о трудовых способностях человека служат настоящим зеркалом культурных установок русского народа, объединяя в себе исторический опыт, народную мудрость и богатую эмоциональную оценку. Они не только обогащают выразительные возможности языка, делая речь более образной и экспрессивной, но и транслируют ключевые социальные нормы, формируя у носителей языка устойчивое отношение к труду как к основе достойной и осмысленной жизни. В современном контексте эти выражения остаются высокоактуальными: несмотря на изменения в характере труда (переход от физического к интеллектуальному и цифровому), они продолжают использоваться в повседневной речи, публицистике и художественной литературе, помогая понять эволюцию ценностей в российском обществе. Фразеология сохраняет преемственность культурных кодов, напоминая о том, что уважение к усердному труду и мастерству остаётся одной из фундаментальных черт русской ментальности. Изучение таких единиц позволяет не только глубже осмыслить лингвокультурные особенности, но и способствует воспитанию позитивного отношения к труду в новых поколениях, опровергая мифы о якобы врождённой лени и подчеркивая исторически сложившийся идеал активной, ответственной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильковская К.В. Региональная языковая личность: к вопросу осмысления феномена / К.В. Васильковская, Н.П. Курмакаева // Новые горизонты русистики. — 2021. — Вып. 13. — С. 23–28.
2. Макаева В.В. Образная основа фразеологизмов, характеризующих трудовую деятельность человека, в общенародном русском языке / В.В. Макаева, Е.Н. Морозова // Молодой ученый. — 2021. — № 52 (394). — С. 349–351.
3. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. — Москва: Русские словари, 1997. — 856 с.
4. Ожегов С.И., Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Российская академия наук. 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.
5. Телия В.Н. Фразеологизм / В.Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 559-560.
6. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
7. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т.А. Боброва. — Москва: Прозерпина: Школа, 1994.
8. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: монография / Н. М. Шанский. — Изд. стереотип. — Москва: URSS, 2021. — 272 с.

Поступила в редакцию 24.11.2025 г.

К. А. Aksenova

THE RELATIONSHIP OF A PERSON TO WORK IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

Russian phraseology considers the attitude of a person to work based on the material of the Explanatory Dictionary of the Russian Language by S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova. The article analyzes phraseological units with positive and negative connotations, expressing an assessment of diligence, skill, diligence or, conversely, laziness, negligence and idleness. The types of metaphors (material, zoomorphic, anthropomorphic), the historical context of the semantics of phraseological units and their role in the translation of cultural values are revealed. Special attention is paid to the question: is the Russian person lazy? Based on the analysis, it is concluded that the ideal of diligence dominates in Russian linguistic culture as a moral norm and the basis of national character, where laziness is condemned as a deviation.

Key words: *russian phraseology, attitude to work, diligence, laziness, evaluative connotation, cultural values, metaphors in phraseological units, national character, semantic analysis.*

Аксенова Ксения Александровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Магистрант.

E-mail: aksenovakseniak@gmail.com

Aksenova Ksenia Aleksandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Undegraduat student.

E-mail: aksenovakseniak@gmail.com

Курмакаева Нина Петровна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Kurmakaeva Nina Petrovna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Associate Professor of the Department of Russian
Language.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

А. М. Листова © 2025
*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
(Научн. рук. — канд. филол. наук А. Б. Коконова)*

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЛЕВАНИЯ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале архангельских говоров)¹

Статья посвящена этнолингвистическому анализу общерусских и диалектных лексем, входящих в семантическое поле «плевание», в народной культуре Архангельской области. В задачи работы входит анализ выделенных лексем, описание связанных с ними верований, обрядов и традиций, а также определение их роли в местной языковой картине мира. На основе материалов «Архангельского областного словаря» и полевых записей рассматриваются магические и лечебные функции слюны, отражённые в диалектной лексике и ритуальной практике. Показано, что плевание выступает значимым компонентом защитных и вредоносных обрядов, а также связывается с символикой левой стороны и повторяемостью магических действий. Исследование выявляет семантические особенности глагольных и именных единиц, формирующих семантическое поле «плевание».

Ключевые слова: этнолингвистика, плевание, слюна, архангельские говоры, народная магия, диалектная лексика.

Исследования в области этнолингвистики позволяют рассмотреть связь языка с различными этническими факторами: народной культурой, особенностями народной жизни, творчества и менталитета, а также их взаимодействие в функционировании того или иного языка. Этнолингвистика дает возможность подробно изучить языковую картину мира жителей разных регионов, а также проследить особенности влияния этнокультурных и этнопсихологических факторов на развитие языка. В этом контексте она выступает одним из важнейших инструментов реконструкции мировоззренческих представлений, закрепленных в лексике и устойчивых сочетаемостях конкретной местности, а также позволяет выявлять глубинные механизмы формирования семантики лексических единиц, отражающей развитие и опыт народа. Так, Н. И. Толстой обращает внимание на то, что «...язык как средство обращения и как одна из важнейших форм этнической (племенной, народной, национальной) культуры, как средство ее определения и поэтического выражения оказывается в доминантной позиции» [5, с. 182], то есть является основным предметом исследования вне зависимости от того, какой именно аспект народной жизни изучается. Учитывая, что различные элементы языковой системы в говорах развиваются отлично друг от друга, мы можем проанализировать культурно-языковые особенности отдельно взятой местности и при этом подробно рассмотреть функционирование интересующего слова, корня и т. д.

Плевание представляет собой естественный физиологический процесс. Человек на протяжении всей своей жизни естественным образом сталкивается с телесными жидкостями, которые в народной культуре часто наделяются особыми свойствами. Уже в традиционных представлениях восточных славян телесные выделения человека воспринимались как значимые носители энергии, жизненной силы и личной сущности индивида. Слюна в народном сознании воспринимается, с одной стороны, «как носитель жизненных сил человека, а с другой — относится к числу нечистот» [2, с. 223], вследствие чего процесс плевания приобретает магическую семантику. Данное

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (номер проекта №23-18-00027 от 15.05.2023 г. Архангельский областной словарь: вып. 24, 25, 26).

двойственное восприятие делает слюну особенно значимым, и одновременно с этим широкоупотребимым вследствие простоты извлечения, элементом в магических обрядах, поскольку она одновременно обладает потенциалом и для защиты, и для нанесения вреда. Цель работы — рассмотреть этнолингвистический аспект плевание и выявить семантические особенности употребления лексем, составляющих семантическое поле плевание, характерные именно для архангельского региона. Исследование проводится на материале «Архангельского областного словаря», его электронной и бумажной картотеки и полевых записей, собранных в диалектологических экспедициях. Таким образом, оно опирается на широкий массив эмпирических данных, позволяющих реконструировать реальное функционирование соответствующих лексем в Архангельской области.

А. Е. Зимбули в статье «Философия плевок» задается вопросом: «Какое именно переживание, душевное волнение побуждает здравомыслящего человека швыряться в направлении кого-то слюной?» [3, с. 158]. В размышлениях об этом он склоняется к тому, что в человеке в этот момент преобладают все же «негативные состояния» [там же]. Однако в народной культуре мотив плевание могут быть совершенно иными. Слюна, как и прочие телесные жидкости (пот, кровь, слезы и т. д.), сохраняет в себе энергию человека и при занятии колдовством может выступать и как средство нанесения вреда, и как оберег от нежелательного вредоносного влияния. В связи с этим мы часто можем встретить плевание в том или ином проявлении (проговаривание действие с использованием той или иной лексики, звукоподражание) в текстах заговоров: *«Шла лиса позади леса от огнища, от пожарища, от всей красноты, где лиса лизнет, весь пожар слизнёт, плюнет, дунет, худо будет». Наговаривать заговор очерчивая безымянным пальцем вокруг ожога. Затем плюнуть, дунуть. Повторить 3 раза. ШЕНК. ВП. Родница ребёнок, будешь мыть, завёртываешь фелёнки, пелёнку в зубы возьмёшь и тут слова и говоришь: «Не сама́ ма́ти роди́ла, не сама́ ма́ти носи́ла, сама́ гры́жу загрыза́ла, загрыза́ла, заеда́ла, заговáривала: тфú, тфú, тфу, клю́чь в мо́ре, замо́к ф по́ле», до трёх ра́с ска́жэши, ами́нь, вот ы фсе́. МЕЗ. Бч.*

Однако наибольшей магической силой наделяется не проговаривание действия, а само действие, поэтому в момент применения заговоров необходимо произвести процесс плевание. В системе народных убеждений именно это действие служит символическим актом передачи энергии, замыкания магической формулы или изгнания вредоносного начала. Поэтому в большинстве подобных ритуалов плевать нужно именно после произнесения магических слов для закрепления проговорённого и наделение ритуала энергией через слюну колдующего: *Зако́сьнику, прико́сьнику, йеретику́, клеветнику, йему́ во́д не сходи́ть, смо́лы не вы́пить, моего́ кося́ не слома́ть; как с де́рева роса́, так с раба́ бо́жйего (имярек) худо́ба и чехо́та (заговор). Э́ти слова́ ска́жэте и плюну́ть на́до на́ сторону на пу́сты лесá. ПИН. Трф. А во́: па́льцы кресто́м, напосо́к: Ку́йиш ты ку́йиш, Чево́ ты мне купи́иш, Куплю́ топоро́к Заси́ць пёсий сосо́к. Отны́не веко́ф ами́нь. Тну́-тну́-тну́ че́рез ле́во плеце́ три ра́за плюну́ (заговор сводит наросты на глазу. Например, напиллому или ячмень). КАРГ. Крч.*

Но также, в более редких случаях, плевание может встречаться также и как один из промежуточных этапов многоступенчатого ритуала. Например, как в одном из заговоров от сглаза: *С гоголя - вода, с терема - роса, с раба Божия (имя) - всяка хударьма, порча, уроки, прикосы, високосы! Подите старому хозяину под пята! Откуда пришли, туда и пойдите. От злых людей пришли, пойдите в темный лес, под пень, под колоду, грызите гнилое дерево. Во веки веков. Аминь. (Прочитать 3 раза над водой, которой собираетесь лечить, 3 раза поплюйте). Какое слово не договорила, какое переговорила, будьте мои слова крепки, лепки! Вот вам ключ и замок! Во веки веков.*

Аминь. (Воду сначала попить, лишь потом больного сверху обкатить. Девушку - к себе лицом, парня - от себя, при этом стой глазами на восток). ПИН. Нхч.

Нельзя здесь не упомянуть о том, что не только сам процесс выплевывания слюны изо рта может выступать как связанное со слюной действие. В некоторых ритуалах важно проглатывание слюны, смачивание ею или другие производимые с этой телесной жидкостью манипуляции. Это свидетельствует о широте спектра действий, связанных со слюной, каждое из которых обладает собственной символикой: *«Дáру — жáба, дáру — жáба, дáру — жáба», глотну́ть слíну и сказа́ть «амíнь». ПИН. Яв. Гдé скобу́ захвáтывать — вот тáк нáдо слíнкой (слюной): Ско́лько зá скобу хватако́ф, сто́лько на вáс хвалы́, почёту, здоро́вья, — проведёи. ПИН. Ёр.*

Так как в ритуалах очень часто используется плевание, сами слова с корнями *плев-/плюн-* в архангельских говорах приобрели семантику занятия магией. В разных контекстах под этим может подразумеваться проведение защитных ритуалов, лечение от вредоносного воздействия (сглаза, порчи), произнесение магических заговоров с последующим процессом плевания и колдовства в целом. Частотность употребления лексем с корнями *плев-/плюн-* в обозначенном значении демонстрирует закрепление соответствующей семантики в повседневной речи современных носителей архангельских говоров, что свидетельствует о глубокой интегрированности магических представлений в их языковую картину мира: *Мо́эт, кто и плю́нет, фтихаря́ и шэ́пчет, и поплю́ют (чтобы все было хорошо). ВИН. Брк. Онí предлагáли: дава́й мы тебе́ поплю́юм, пор́чя наведе́на, дак мы вы́полощели кру́жку-ту, а цыга́нки прóсто вы́мокчи чё-то хоте́ли с нáс. ПИН. Нхч. Поплю́ет или да́ст чевó пойи́сь, вот конфéтину да́ст с шопотко́м - и фсё́; ну́, шопотки́, говоря́т, ненадо́уго (о народной магии в любовных делах). КОН. Твр. Заплю́ю: «Щу́ка но́йо, вода́ мо́йо» (фольк., заговор). НЯНД. Лм. Заколодова́ли - наве́рно ф притво́р наплева́ли (шутка). ПИН. Ёр.*

Частотность использования в архангельских говорах глаголов с корнями *плев-/плюн-* в значении занятия магией подтверждается наличием устойчивых сочетаний, имеющих сходное значение. Сочетание СЛÓВО ПЛЕВА́ТЬ встречается в контекстах, отсылающих нас к народной магии, и имеет значение 'колдовать, шептать заговоры, усиливая их действия с помощью плевков'. *Стару́хи сло́во плева́ли, пря́мо пéчи шоп́чет чевó-то. ШЕНК. УП.*

Дополнительными магическими свойствами характеризуется плевание через левое плечо. Обычай плевать именно в левую сторону глубоко укоренился не только в архангельском регионе, но по всей территории страны: «Левое считалось причастным к демонической сфере и вместе с тем эффективным средством противодействия нечистой силе и защиты от нее... В магической практике как лечение, так и наведение порчи устойчиво связано с левой стороной» [5, с. 235]. Это говорит о том, что плевание налево можно рассматривать как один из наиболее устойчивых и широкоупотребимых символических жестов, направленных на нейтрализацию вреда, изгнание нечистых сил или предотвращение негативных воздействий. Такое активное обращение носителей архангельских говоров к этому жесту связано с народными поверьями о том, что на левом плече у человека находится нечистая сила, которую таким образом стараются отогнать: *Ты́ то́лько говори́: А́нгел мо́й, сохрани́тель мо́й, сохрани́ мойю́ душу́, скрепи́ се́рцэ мо́ю. Вра́к сотона́, откачнись от меня́! - И плю́нуть, говори́т, нале́во. Ничего́ не бойся́, то́лько э́ту, говори́т, моли́тву. ПИН. Кшк. Плю́нут ины́е за плечó за ле́войе: ва́ше само́ к вам приста́ло. Куки́шку (сделают) и тудá поста́вят (сзади за спину). КАРГ. Лким. Однако встречаются и обратные верования, якобы на левом плече находится именно ангел, так что в этом случае плевание через левое плечо может даже навредить человеку: *А во́т говоря́т, нельзя́ плева́ть через ле́войе плечó. Там а́нгел-храни́тель стои́т, вы и́ йему́ плюёте, да. Што́ нельзя́ йевó обижа́ть. ШЕНК. ВП.**

Также в полевых записях был обнаружен контекст, в котором информант побуждает своего собеседника плюнуть через левое плечо, употребляя при этом глагол *плевáть* одновременно и со значением охранительного магического действия, и в значении безразличного отношения к кому-н, чему-н. *Ну и насрáть большúю кúчу - плюй на фсё через лёвойе плечё. ПИН. Ср.*

Для усиления магического действия и закрепления наложенного с помощью заговора эффекта также используется многократная повторяемость произведения процесса плевания или воспроизведения звукоподражания *тьфу*. Использование звукоподражания является словесным аналогом плевания, позволяя воспроизвести действие без фактического выбрасывания слюны. Удваивание, или, чаще всего, утраивание звукоподражания, связанное с исходящим из христианства магическим и/или божественным восприятием числа «три», чаще всего используется именно при защите от вредоносного влияния и нацелено на преумножение охранительных свойств: *Сходíли на úлицу-то, зарумянились, тьфу-тьфу-тьфу, чю́р бы не уро́к! ПИН. Яв. Я на глаза́ опера́цию де́лала. Зрэ́ние упáло. Щяс фсё ви́жу хорошо, тфу-тфу-тфу, што́п не изуро́чить. КОТЛ. Хрт. Лю́ди позави́дуют, што краси́вая да хоро́шая, а тебе́ уи уро́ки ско́чают, тебе́ изуро́чилось. Пьйо́т веть; вот се́йгот — тьфу-тьфу, ходь бы не изуро́чилось — нóнечя сла́ва бо́гу, не пьйо́т, а ведь бывáет, заведе́ця три ме́сяця фподря́т, ф ка́жний де́нь, ф ка́жний де́нь. КОН. Твр.*

Отдельный интерес представляют функционирующие в архангельских говорах устойчивые сочетания с использованием звукоподражания *тьфу*. Как правило, это именно выражения с наименованиями нечистой силы — например, лешего. Сочетание *ТЬФУ́-ТЫ ЛЕШИ́Й* указывает на способность этого фольклорного персонажа путать зашедших в лес людей, мешать им выйти. Однако помимо того, что эта сочетаемость отсылает нас к народной магии, она несет в себе и семантику раздражения: *А тьфу́-ты леши́й, возьми́ ты, то́жо глаза́ стрясла́ (неправильно дала сдачу). ШЕНК. Яг. Сочетаемость ТЬФУ́ К ЛЕШАКУ́ используется в случаях, когда говорящий выражает свои резко негативные эмоции по отношению к кому-н., чему-н., стремится избавиться от этого и желает объекту своего негодования самому оказаться под чарами лешего: Тьфу́ к лешаку́! ПРИМ. Ннк.*

Некоторые народные магические обряды детально регламентированы и требуют особых физических условий для их реализации и для достижения успеха в наложении требуемого эффекта. Например, для некоторых ритуалов должен использоваться определенный вид слюны, что отражается в сочетании *голодная (перегорелая) слюна*. Имеется в виду слюна, которая образуется во рту человека, только что проснувшегося, ничего не евшего и не пившего: *Заговáривать на́до голо́дной слю́ной. ОНЕЖ. Пкр. Слínкой перегорéлой мочи́, только́ у́тром как фста́неш слínкой из ро́та. КОТЛ. Збл.*

Хоть слюна и является телесной жидкостью, представляющей собой носитель человеческой энергии, от нее, в отличие от неотделимых от тела эфемерных субстанций, возможно избавиться, выплюнув. Это подчеркивается в выражении *душа не слинка — не выплюнешь: Фсё, оджы́ла свой ве́к. То́лько как вод дожда́ть (смерти). Душэ́нька не слínка, не выплюне́ш. Из ро́ту слínку выплюне́ш, а ду́шу не выплюне́ш. Душа́-то та́м, ф серéтке (всерёдке). ПИН. Ер. Избавиться невозможно не только от души, но и от смерти, что прослеживается в суждении: *Сме́рть-то не слínка, не выплюне́ш. ВИН. Кнц.**

На предложенном материале мы убедились, что слюна в народной культуре наделяется магическими свойствами. Как в связи с ними, так и в отрыве от них, слюна также может наделяться свойствами лечебными. Лечить как физиологические заболевания, так и небольшие травмы может как заговор с представленным действием в виде плевания, так и слюна в чистом виде: *Глаза́ эк слíной ма́жу. В-Т. Тмиш. У меня́*

быва́йед ця́сто голова́ боли́т, я поплюю́ и прохо́дит. ВИЛ. Пвл. При этом проводимые со слюной действия будут различаться в зависимости от типа и специфики болезни. В народной медицине для исцеления может использоваться и выплевывание слюны, и смачивание ею, и прочие действия: *Разойде́ца, упаде́, завере́дица гдѣ-нибу́ть, а ты́ йему́ плюне́ш — и пройде́т. ПИН. Нхч. Я иногды́ сли́ной пома́жу, так за́жыве́. ПИН. Ёр.*

Этнолингвистический аспект плеванья раскрывается на материале архангельских говоров. Плевание и сама слюна наделяется магическими (охранительными и вредоносными) и лечебными свойствами, а ряд дополнительных приемов усиливает указанные сверхъестественные свойства. В большинстве ритуалов и заговоров присутствуют сразу несколько рассмотренных аспектов, которые в народном сознании увеличивают силу магических действий.

Список сокращений районов и населенных пунктов Архангельской области:

<u>В-Т</u>	<u>ВЕРХНЕ-ТОЕМСКИЙ</u>	<u>НЯНД</u>	<u>НЯНДОМСКИЙ</u>
Тмш	Тимошино	Лм	Лимь
<u>ВИЛ</u>	<u>ВИЛЕГОДСКИЙ</u>	<u>ОНЕЖ</u>	<u>ОНЕЖСКИЙ</u>
Пвл	Павловск	Прн	Пурнема
<u>ВИН</u>	<u>ВИНОГРАДОВСКИЙ</u>	<u>ПИН</u>	<u>ПИНЕЖСКИЙ</u>
Брк	Борок	Ёр	Ёркино
Кнц	Конецгорье	Кшк	Кушкопала
<u>КАРГ</u>	<u>КАРГОПОЛЬСКИЙ</u>	Нхч	Нюхча
Крч	Кречетово	Ср	Сура
Лкшм	Лёкшма	Трф	Труфаново
<u>КОН</u>	<u>КОНОШСКИЙ</u>	Яв	Явзора
Твр	Тавреньга	<u>ПРИМ</u>	<u>ПРИМОРСКИЙ</u>
<u>КОТЛ</u>	<u>КОТЛАССКИЙ</u>	Ннк	Нёнокса
Збл	Заболотье	<u>ШЕНК</u>	<u>ШЕНКУРСКИЙ</u>
Хрт	Харитоновская	ВП	Верхопаденьга
<u>МЕЗ</u>	<u>МЕЗЕНСКИЙ</u>	УП	Усть-Паденьга
Бч	Бычье	ЯГ	Ямская Гора

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—. (издание продолжается)
2. Добровольская В. Е. «Куда ни плюнь — всюду клин...»: Прескрипции и культурные смыслы плеванья (по материалам Центральной России) // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. СПб, 2015 — с. 222-242
3. Зимбули Е. А. Философия плевка // Гуманитарный вектор. Т. 11, №1. — СПб., 2016.
4. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-и томах / под общей ред. Н. И. Толстого. — Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). — М., 2009.
5. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983.

Поступила в редакцию 29.11.2025 г.

A. M. Listova

ETHNOLINGUISTIC ASPECTS OF SPITTING IN FOLK CULTURE (based on Arkhangelsk dialects)

This article is devoted to the ethnolinguistic analysis of common Russian and dialectal lexemes belonging to the semantic field of «spitting» in the folk culture of the Arkhangelsk region. The objectives of the study include the analysis of the selected lexemes, the description of the beliefs, rituals, and traditions associated with them, as well as the determination of their role in the local linguistic worldview. Based on materials from the Arkhangelsk Regional Dictionary and field notes, the magical and healing functions of saliva, as reflected in dialectal vocabulary and ritual practice, are examined. It is shown that spitting is a significant component of protective and harmful rituals, and is also associated with the symbolism of the left side and the repetitiveness of magical actions. The study reveals the semantic features of verbal and nominal units that form the semantic field of «spitting».

Keywords: *ethnolinguistics, spitting, saliva, Arkhangelsk dialects, folk magic, dialectal vocabulary.*

Листова Анна Михайловна.

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, г. Москва, РФ.

Магистрант.

E-mail: dzi-listova@yandex.ru

Listova Anna Mikhailovna.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF.

Undegraduat student.

E-mail: dzi-listova@yandex.ru

Коконова Анна Борисовна.

Кандидат филологических наук.

Московский государственный университет имени

М. В. Ломоносова,

г. Москва, РФ.

Старший преподаватель.

E-mail: annakokonova@gmail.com

Kokonova Anna Borisovna.

Candidate of Philology.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF.

Senior Lecturer.

E-mail: annakokonova@gmail.com

Дискурсология и генристика

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.18071286

А. С. Набхан © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. А. Н. Стебунова)*

«КОНЦЕПТ «БИЗНЕС» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ПО ДАНЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА И СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)»

Статья посвящена исследованию вербализации концепта «бизнес» в русском социокультурном пространстве. В работе применяется метод свободного ассоциативного эксперимента, позволяющий выявить стереотипные представления носителей языка о данном концепте. Теоретически обосновываются преимущества использования ассоциативных методик в когнитивной лингвистике, позволяющих реконструировать смысловые слои языкового сознания. В результате анализа данных Национального корпуса русского языка и ассоциативных реакций респондентов выявляются ядерные и периферийные признаки концепта «бизнес», а также строится его ассоциативное поле, отражающее актуальные представления современного общества.

Ключевые слова: *концепт, ассоциативный эксперимент, конструирование концепта, модель концепта, интерпретация экспериментальных данных.*

На рубеже XX и XXI вв. термин концепт устойчиво закрепился в активном лингвистическом тезаурусе. Концепты — это абстрактные единицы, отражающие приобретенные знания, опыт, результаты всей деятельности человека и обобщающие сведения об окружающем мире в виде определенных единиц. Анализ результатов когнитивной деятельности происходит через изучение отдельного концепта или концептуальной области. В ряду методов реконструкции языкового сознания особое место отведено ассоциативному эксперименту как средству, позволяющему максимально приблизиться к мыслительным стереотипам различных представителей исследуемого языка.

Ассоциативный эксперимент — это метод, направленный на обнаружение ассоциаций, языковых клише, сложившихся в сознании испытуемого в процессе его жизнедеятельности. Ассоциативный эксперимент помогает определить содержание концепта в сознании носителя языка, распределить образующие концепт признаки и выстроить ассоциативный слой концепта [4, с.151]. Следовательно, данный прием является эффективным способом приближения к языковому сознанию индивида. Ядро языкового сознания составляют наиболее частотные ассоциации, имеющие наибольшее число когнитивных связей.

Изучение ассоциаций имеет свою давнюю историю, начавшуюся еще во времена Аристотеля и Платона. С течением времени понятие ассоциация активно функционировало прежде всего в таких научных парадигмах, как философия и психология.

Существует несколько разновидностей ассоциативного эксперимента, которые используются в когнитивной лингвистике для анализа содержательной стороны концепта и выделения образующих его когнитивных признаков. Свободный ассоциативный эксперимент — это быстрая, моментальная реакция на слово-стимул. Направленный ассоциативный эксперимент отличается от свободного тем, что испытуемый в ответ на слова-стимулы отвечает не любым пришедшим в голову

словом, а так, как этого требует инструкция экспериментатора. Например, слово-реакция должна быть определенной частью речи или являться синонимом/антонимом слова-стимула. В цепном ассоциативном эксперименте испытуемым предлагается выдать неограниченное количество реакций, но за ограниченный промежуток времени. Таким образом, во всех разновидностях ассоциативного эксперимента, кроме свободного, в круг анализа вовлекаются не только первые, но и последующие ассоциации. Данный метод помогает получить разнообразный языковой материал, являющийся необходимым для построения ассоциативного поля концепта. Ассоциативные поля различны у представителей молодого и старшего поколений, отличаются у мужчин и женщин, разнятся у представителей разных национальностей и т. д. Поэтому набор ассоциаций у каждого человека свой. Полученные реакции в своей совокупности дают возможность составить подробное представление о том, что лежит в сознании каждого испытуемого за каждым из концептов культуры [2, с. 96].

При обработке данных, как и в случае с РАСРЯ (2002 г.) учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные; на основе анализа частотности ассоциатов определены **ядро** (его составили реакции, поступившие более чем от 20% испытуемых), **базовый слой** (от 10% до 20%), **ближняя периферия** (<10%) и **дальняя периферия** (индивидуальные ассоциаты).

Анализ частотности ассоциатов для слова-стимула *бизнес* по данным свободного ассоциативного эксперимента дает следующие результаты: **Ядро** — 64% деньги, 26% дело; **базовый слой** — 13% работа, 12% карьера, 11% обман, 10% прибыль; **ближняя периферия** 8% — банк, кризис, партнер; продажа, 6,5% автомобиль, инвестиции, конкуренция, офис, свобода, связи, успех, строительство, торговля, 5% бумаги, власть, магазин, налоги, правительство, рынок, труд, ум, 4% дом (большой), люди, машина, мошенничество, нефть, проблема, спекуляция, 2,5% активы, газ, акции, время, выгода, доход, документы, риск, знания, команда, переговоры, сила, предательство, развитие, стратегия, транспорт, честность и т. д.

Отмечается определенная перестройка полевой структуры анализируемого концепта в сравнении с данными РАСРЯ (2002). Так, компонент «деньги» перемещается из базового слоя в ядро. Из ближней периферии в базовый слой перемещаются компоненты *работа, карьера, обман, прибыль, банк, партнер, продажа*. На наш взгляд, подобные перемещения свидетельствуют о большем освоении важных когнитивных признаков данного концепта в языковом сознании современных носителей языка. Кроме того, в базовом слое появляется отсутствующий ранее ассоциат *кризис*, который отражает особенности современных экономических реалий.

Таким образом, по данным 2025 г. в базовом слое концепта *бизнес* наблюдаются ассоциации, связанные с экономическим компонентом содержания концепта *банк, прибыль, продажа* и с социально-профессиональным компонентом *работа, карьера, партнер*. Характерно присутствие в базовом слое ассоциата обман, что свидетельствует о том, что и сегодня в языковом сознании сохраняется национально-специфичное представление о бизнесе как о нечестной деятельности, связанной с обманом. Ассоциат *костюм* на слово-стимул *бизнесмен*, присутствующий в базовом слое (в РАСРЯ от 2002 г. он был в ближней периферии), демонстрирует повышение значимости внешней атрибутики бизнесмена в концептуальном содержании — т. е. формируется символический образ бизнесмена в языковом сознании.

В ближней периферии данные свободного ассоциативного эксперимента, как и данные РАСРЯ на 2002 г., год демонстрируют связь концепта *бизнес* с идеей предпринимательства *предпринимательство, рынок, инвестиции, конкуренция, активы, акции*, но гораздо более подробно даны видовые ассоциаты этой деятельности *строительство, торговля, транспорт, магазин* и наиболее важные для российского

бизнеса в сознании носителей языка сферы *нефть, газ*. Присутствует и социально-политический ассоциативный фон — связь бизнеса и политики — *правительство*. Бизнес также ассоциируется с *властью, со свободой, с риском, силой*.

Внешняя атрибутика бизнеса соотносится с такими ассоциатами, как *бабки, автомобиль, дом (большой), машина*. Значимой в языковом сознании остается идея успеха. Важными качествами представителя бизнеса считаются ум и честность, а для ближней периферии слова-стимула бизнесмен следует добавить такие позитивно-оценочные ассоциаты, как *пунктуальность, респектабельность, уважение* и др., что свидетельствует о некотором изменении представления о бизнесе в национальном сознании в положительную сторону.

Однако при этом сохраняются ассоциаты, демонстрирующие отрицательные оттенки концептуального содержания бизнес — *спекуляция, предательство, мошенничество* (для слова-стимула бизнесмен также отмечены *вседозволенность, наглость*). Для бизнесмена тоже актуальны ассоциации, связанные с идеей субъекта деятельности с отрицательной оценочностью *вор, жулик, барыга, спекулянт, обманщик*. Это представление о бизнесе как об отрицательно оцениваемом занятии в национальном сознании характеризуется крайней устойчивостью.

Дальняя периферия (единичные ассоциаты) для концепта бизнес демонстрирует еще больший разброс ассоциативных связей, реализующих разные аспекты понятия *бизнес*, чем это было свойственно данным РАСРЯ на 2002 г. Это прежде всего указание на экономическую сферу *капитал, товар, баланс, купля-продажа, распродажа, финансирование, фирма, олигарх, вклады, вложения, активы, товар* и др.), на социально- профессиональную сферу *бизнес-план, бизнес-центр, полная занятость, рост* и др.). Негативно-оценочные представления о занятии бизнесом отражают такие ассоциаты, как *алчность, жестокость, коррупция, паразитирование*. Указание на связь бизнеса с незаконными или преступными действиями содержится в таких ассоциатах, как *проституция, рэкет, тюрьма*. Присутствие определенной криминальности в современной речевой практике отражают ассоциаты арготического происхождения — *бабки, братаны*.

Отметим, что и в 2025 г. сохраняется представление об инокультурном, заимствованном характере данного концепта в русском языковом сознании, однако вместо ассоциата *Америка* наблюдается ассоциат *Европа* (косвенным образом это говорит об изменении вектора деловых связей и деловой активности в данный период в представлении носителей языка. Приметой времени, отражающей современные экономические реалии, выступает ассоциат *высокие технологии*.

Для слова-стимула бизнесмен негативно-оценочные представления о человеке, который занимается бизнесом, представлены еще более широко и разнообразно, в сравнении с данными РАСРЯ 2002 г.: *акула, преступник, аферист, бездельник, мошенник, пройдоха, проходимец, прохвост, толстосум, сутенер*. Однако в анализируемом материале также достаточно широко присутствует и положительно-оценочный ассоциативный фон: *серьезный человек, элегантный, престиж, успешный человек, харизма, высокий социальный статус* и пр.

Также более подробно и детально, чем в материале РАСРЯ на 2002 г., представлены в анализируемом материале так называемые «имиджевые» признаки бизнесмена, которые символизируют его образ в национальном сознании: например, это не просто автомобиль, а его престижная в сознании носителей языка марка — *лексус*. Ср. также дорогие духи, отдых в Европе, *ноутбук, сигара, туфли, барсетка, яхты*. Также отметим национально-специфическую ассоциацию бизнеса — *алкоголь*.

Все полученные ассоциаты к стимулам бизнес и бизнесмен, как и в данных РАСРЯ на 2002 г., могут быть классифицированы по трем группам:

1. Логико-понятийные, возникающие на уровне связи понятий, образующих концепт, и проявляющиеся в отношениях типа «род — вид» *строительство, завод, транспорт, биржа, производство, сельское хозяйство, нефть, газ*); «деятельность — результат» *бабки, доход, достаток, заработок, свобода, успех, связи, власть, сила, благосостояние, блат, возможности, вседозволенность, процветание, беднота, потери, стрессы, неудача, несчастье, падение, нет времени, недосып, загруженность*; «деятельность — цель» *самореализация, авантюризм, красивая жизнь, надежность, стабильность, нажива, популярность, уважение, стабильность, хорошая жизнь*; «деятельность — механизмы» *продажа, инвестиции, мошенничество, спекуляция, коррупция*; «качества субъекта — деятельность» *ум, честность, активность, быстрое мышление, быстрый ум, дальновзоркость, креативность, умение руководить, хитрость, энергия, эрудиция*; «субъект — деятельность» *команда, бизнесумен, красивая молодая женщина, лысый человек, успешный человек*.

2. Лексико-семантические, возникающие на уровне связи лексем — экспликаторов концепта, т.е. отражающие внутриязыковые системные связи — например, синонимические *работа, карьера, предпринимательство, коммерция, труд* или квазиантонимические *отпуск, отдых*.

3. Смысловые, возникающие на уровне связи концептов в концептосфере, как в национальной *русский, Европа, Лондон*, так и в индивидуальной *я, лысый человек, дядя, мой бизнес*. Широко представлен ряд когнитивных ассоциаций, связанных с реально существующими лицами в современную эпоху *Абрамович, Дуров, Ким, Тиньков, Усманов, Фридман* с историческими лицами *Рокфеллер* с персонажами литературы или кинематографа *Скрудж*.

Мы также учитывали влияние экстралингвистических факторов. К ассоциатам, обусловленным историческими особенностями формирования и развития нации и реалиями социально-экономической жизни, могут быть отнесены такие, к примеру, как *высокие технологии* (связь с новым главным направлением социально-экономического развития страны), имена лиц, прочно ассоциированных с крупным капиталом в современном мире, политика, *Альфа-банк, Тиньков-банк* а также *предательство, коррупция, спекуляция, мошенничество* (бизнес в России в сознании носителей языка продолжает ассоциироваться с нечестной деятельностью).

Некоторые ассоциации отображают личный жизненный опыт человека, явления «его собственного» мира *сон, рутина, радость, потери, неудача* и др.).

Отметим также изменение характера инокультурной ассоциации — связь не с Америкой, а с Европой. При этом усиливается представление о национально-специфичном характере «бизнеса по-русски» — так, появляется такой атрибут бизнеса в сознании носителей языка, как *алкоголь*.

В целом следует отметить, что анализ данных свободного ассоциативного эксперимента в сравнении с данными РАСРЯ на 2002 г. демонстрирует дальнейшее развитие и расширение смыслового объема ядерных и базовых когнитивных признаков концепта бизнес, что сопровождается определенной перестройкой полевой структуры концепта. Обратим внимание на значимое, с нашей точки зрения, перемещение ассоциата *деньги* из базового слоя в ядро и ассоциатов *работа, карьера, обман, прибыль, банк, партнер, продажа* из ближней периферии в базовый слой. Это может свидетельствовать о значительно большем, в сравнении с 2002 г., освоении важных когнитивных признаков данного концепта сознанием современных носителей языка.

Появление в базовом слое ассоциата *кризис* свидетельствует об отражении в обновленном концептуальном содержании бизнес современных экономических реалий отечественной действительности. Приметой времени, также отражающей современные экономические реалии, выступает в дальней периферии ассоциат *высокие технологии*.

Значительно усиливается личностный ассоциативный фон — бизнес прочно ассоциируется с его персонифицированными воплощениями в области представителей крупного капитала.

Значительно детализируется ассоциативная сфера, связанная с экономической деятельностью, и главное — с символическим представлением об образе бизнеса и бизнесмена в языковом сознании. Этот образ приобретает новые яркие краски и детали — при этом уходит в прошлое как больше не соответствующая современным реалиям ассоциация *красный пиджак*. Многие символические детали носят позитивно-оценочный характер, выражают представление о престижности и значимости богатства и благосостояния.

Национально-специфическая характеристика бизнеса как незаконной и преступной деятельности выступает по-прежнему в качестве наиболее устойчивой черты в языковом сознании. При этом добавляется и другой ассоциативный признак — связь бизнеса и алкоголя. Кроме этого, отметим, что наблюдается дальнейшая «криминализация» самих языковых представлений разных аспектов концептуального содержания бизнес — ассоциаты имеют грубо-просторечный, жаргонный и арготический характер *братаны, бабки, папик*.

В анализируемом материале продолжается тенденция отрицательно-оценочного представления о занятии бизнесом, но вместе с тем существенно развивается и положительно-оценочный ассоциативный фон. Ср., например, такие позитивно-оценочные ассоциаты, как *пунктуальность, респектабельность, уважение* и др., свидетельствующие об изменении представления о бизнесе в национальном сознании в положительную сторону.

Поскольку оценочно-коннотативная и вообще — признаковая сфера концепта бизнес, на наш взгляд, представляется крайне важной для выявления специфики его концептуального содержания в русском языковом сознании, мы несколько расширили рамки свободного ассоциативного эксперимента, включив в него элементы направленного эксперимента, а именно — ответы на вопросы «какой бизнес?»

Анализ проводился по примененной ранее схеме: также учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные; на основе анализа частотности ассоциатов определены **ядро** (его составили реакции, поступившие более чем от 20% испытуемых), **базовый слой** (от 10% до 20%), **ближняя периферия** (<10%) и **дальняя периферия** (индивидуальные ассоциаты).

Анализ частотности ассоциатов для стимула «какой бизнес?» по данным свободного ассоциативного эксперимента дает следующие результаты. **Ядро** — 32,5% прибыльный, 15,5% успешный, 13% свой, большой, 10,5% хороший, малый, 9% легальный, удачный, 6,5% нелегальный, развивающийся, респектабельный, рискованный, 5% автомобильный, криминальный, нефтяной, опасный, официальный, подпольный, сложный, процветающий, трудный, строительный, честный, туристический, 4% выгодный, крупный, международный, чистый, убыточный, 2,5% главный, динамичный. **Базовый слой** — 15,5% успешный, 13% свой, большой, 10,5% хороший, игорный, интересный, ответственный, плохой, проблемный, семейный, серьезный, стабильный, черный, агрессивный, активный, банковский, благородный, важный, взаимодействующий, военный, выгодный, воплощающий мечты, выгодный, газовый, гибкий, гостиничный, грубый, грязный, денежный, долговременный и др. **Ближняя периферия** 9% легальный, удачный, 6,5% нелегальный, развивающийся, респектабельный, рискованный, автомобильный, криминальный, нефтяной, опасный, официальный, подпольный, сложный, процветающий, трудный, строительный, честный, туристический, 4% выгодный, крупный, международный, чистый, убыточный, 2,5% главный, динамичный, игорный, интересный, ответственный, плохой,

проблемный, семейный, серьезный, стабильный, черный, агрессивный, активный, банковский, благородный, важный, взаимодействующий, военный, выгодный и др. **Дальняя периферия** — с душком, серый, скромный, современный, странный, страховой, суперский, телефонный, теневой, трудоемкий, уверенный, ужасный и др.

В базовый слой бизнеса вошли видовые количественные признаки *большой* и *малый*, нейтральный признак принадлежности *свой* и, что также важно, два позитивно-оценочных признака *хороший* и *успешный*.

Кроме того, в этом базовом слове присутствуют качественные признаки *деловой* и *хитрый*, что вполне соответствует данным, полученным при анализе первой части свободного ассоциативного эксперимента.

Важно, что ни ядерный компонент, ни базовый слой для слова-стимула *бизнес* в целом не содержат ассоциатов с негативной оценочностью. Это может свидетельствовать о постепенном изменении в коннотативной сфере концептуального содержания *бизнес* в языковом сознании носителей языка в наши дни — постепенное движение от негативной оценки к позитивной.

Ближняя периферия для слова-стимула *бизнес* представлена достаточно широким и разнообразным набором признаков разного типа. Первая группа признаков — это денотативные признаки, характеризующие **разные сферы и виды бизнеса**: *автомобильный, нефтяной, строительный, туристический, игорный, международный*. Вторая группа характеризует бизнес по признаку **законность / незаконность**: интересно, что эта группа представлена антонимическими парами ассоциатов — *легальный – нелегальный, официальный – подпольный, чистый – черный, честный – криминальный*. Третья группа характеризует бизнес с **точки зрения его успешности**: с одной стороны, *удачный, развивающийся, динамичный, стабильный, рентабельный, процветающий, доходный, выгодный*, с другой — *убыточный, рискованный, опасный, трудный, сложный, проблемный, убыточный* (здесь тоже можно говорить о реализации этой группы признаков посредством антонимических пар). И, наконец, четвертая группа представляет собой **признаки оценочного характера**, как положительные — *серьезный, интересный, ответственный*, так и отрицательные — *жестокый, плохой*. Отметим, что позитивно-оценочные признаки количественно преобладают над негативно-оценочными и представлены более разнообразно, детализированно с качественной точки зрения.

Выводы, сделанные на основе анализа языкового материала Национального корпуса русского языка, дополняются и уточняются данными свободного ассоциативного эксперимента. В целом данные эксперимента подтвердили актуальность выявленных в ходе исследования когнитивных признаков концепта *бизнес* как для национального, так и для индивидуального языкового сознания носителей языка на современном этапе. Однако обнаруживаются и определенные изменения в представлении о бизнесе в языковом сознании носителей языка за последние годы: постепенно формируется позитивный облик этого явления. Бизнес сегодня рассматривается как общественно важная, уважаемая и престижная сфера деятельности, становится символом нашего времени.

Проведенное исследование, разумеется, не позволяет построить полную и исчерпывающую модель концепта *бизнес* в современном русском языковом сознании, с учетом сложности, полифункциональности и смысловой многомерности этого понятия в современном мире. Поэтому описанные в настоящем исследовании смысловое наполнение и языковая экспликация концепта *бизнес* могут быть дополнены и расширены, что открывает перспективы для дальнейшего исследования. Эти перспективы связаны с существенным расширением текстовой базы исследования и ее специализацией в зависимости от разных типов дискурса (*бизнес* в дискурсе СМИ и

языке рекламы, в политическом дискурсе, в официально-деловом и юридическом дискурсе, в научном (экономическом) дискурсе, в обиходно-разговорном дискурсе и т. д.), а также с более полным изучением связи концепта бизнес с другими ключевыми концептами нашей культуры данного концептуального пространства (дело, работа, обязанность и пр.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. — М.: Тетра Системс, 2004. — 256 с.
2. Стебунова, А.Н., Халабузарь, А.О. Ассоциативный словарь как инструмент анализа языковой личности молодежи Донбасса / А.Н. Стебунова, А.О. Халабузарь // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей IX Международного симпозиума. — Симферополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского", 2025. — С.95-99.
3. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры/ Ю.С. Степанов. — М.: Академический проект, 2001. — 590 с.
4. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания/ Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. — М., 1996. — С.139–162

Поступила в редакцию 28.11.2025 г.

A.S. Nabhan

"THE CONCEPT OF "BUSINESS" IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE (ACCORDING TO THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT")

The article is devoted to the study of the verbalization of the concept "business" in the Russian sociocultural space. The paper uses the method of free association experiments to identify the stereotypical representations of the concept in the minds of native speakers. The article provides a theoretical justification for the advantages of using association techniques in cognitive linguistics, which allow for the reconstruction of the semantic layers of linguistic consciousness. Based on the analysis of data from the National Corpus of the Russian Language and the respondents' associative responses, the article identifies the core and peripheral features of the concept "business" and constructs its associative field, which reflects the current perceptions of modern society.

Keywords: *concept, associative experiment, concept construction, concept model, interpretation of experimental data.*

Набхан Аделина Сергеевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: adelina.nabhan2000@yandex.ru

Nabhan Adelina Sergeevna

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: adelina.nabhan2000@yandex.ru

Стебунова Алла Николаевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: alla.stebunova@mail.ru

Stebunova Alla Nikolaevna

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: alla.stebunova@mail.ru

Словообразование и грамматика

УДК: 81 '276.5

DOI: 10.5281/zenodo.18071308

Е. В. Разумная © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)*

ГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРЕСКРИПТИВНОГО ОПИСАНИЯ²

В статье рассматриваются определения графических сокращений, их отличия и сходства с аббревиатурами, типология графических сокращений, базовые принципы сокращения, а также определяются прескриптивные зоны сокращения. Актуальность темы определяется широким использованием графических сокращений в различных сферах коммуникации, включая науку, технологии, рекламу и социальные сети. Описание графических сокращений способствует их правильному использованию и пониманию, что особенно актуально в многоязычных и межкультурных контекстах. В ходе исследования были описаны некоторые правила и закономерности для графических сокращений, проанализированы классификации графических сокращений у разных исследователей и построена своя.

Ключевые слова: *графические сокращения, универбализация, сокращения, аббревиация, прескриптивные зоны, прескриптивное описание.*

Целью предлагаемой работы является описание некоторых правил и закономерностей создания и использования графических сокращений. Для достижения ее предполагается решить несколько задач:

- а) определить сходства и различия аббревиатур и сокращений;
- б) представить концепции типологии графических сокращений, показать их различие и вывести свою;
- в) дать типологию сокращений, определить базовые принципы сокращения;
- г) определить прескриптивные зоны сокращения.

Н. Г. Асмус и Н. Д. Полетаева вполне справедливо утверждают, что «процесс образования сокращений можно определить как замену какого-либо языкового выражения (слова, словосочетания) в устной или письменной речи более короткой единицей на базе материала первого выражения и с сохранением общего смыслового содержания» [2, с. 37]. Следует, правда указать на различие между сокращениями и аббревиатурами, которое С. О. Баринаева определяет как различие между графическими и лексическими сокращёнными единицами: «Графическое сокращение существует и употребляется только в письменной речи, в то время как лексическое, обладая внешне выраженным значением, является устоявшейся языковой единицей и может употребляться как в письменной, так и в устной речи» [4, с. 7]. Таким образом, графическое сокращение — это условное сокращение часто встречающегося слова или словосочетания, употребляемое только в письменной речи и расшифровываемое при чтении [3, с. 439]. При этом графические сокращения «отличаются от аббревиатур тем, что не являются самостоятельными словами. При чтении произносятся не сами сокращения, а полные слова, которые они обозначают» [7].

² Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации РК 125052006173-0).

Достаточно часто одно и то же словосочетание может быть интерпретировано как сложносокращённое слово и как графическое сокращение, например: *зав. отделом* (графическое сокращение) и *завотделом* (сложносокращённое слово), *чл.-корр.* (графическое сокращение) и *членкор* (сложносокращённое слово), *корр. пункт* (графическое сокращение) и *корпункт* (сложносокращённое слово) [7]. Во многом это объясняется тем, что именно графическое сокращение предшествует возникновению аббревиации. Период возникновения сокращений Д. И. Алексеев называет графическим этапом аббревиации и датирует XVIII веком [1, с. 115].

Б. А. Серебренников пишет, что «сокращение — это своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, усложняющих работу памяти» [9, с. 4]. Появление различного рода сокращений, ведущих к упрощению формальной структуры языковых единиц, часто связывают именно с тенденцией к экономии языковых средств, умственных усилий и совершенствованию языковой формы. Иными словами, графические сокращения, как и аббревиатуры, нужны для экономии времени, речевых усилий и места на бумаге. По этой причине аббревиацию и графические сокращения не рассматривают как отличные друг от друга явления. Но у графических сокращений есть ряд характеристик, к которым в первую очередь относятся правила правописания, что позволяет описывать данное языковое явление как отдельный от аббревиации способ словообразования [11, с. 954].

Итак, сокращённые единицы образуются и функционируют по специальным правилам. Например, значение сокращения может меняться от того, каким образом оно записано (*л.* — *лицо*, *-л.* — *либо*). Нередко значение полной формы и графического сокращения одного и того же слова не совпадают, при том, что в графическом плане они отличаются только тем, что написаны с разными знаками препинания (*ж. д.* — *железная дорога*, *ж.-д.* или *ж/д* — *железнодорожный*). Иногда подобная путаница вызывает неправильное понимание слова или значительные смысловые ошибки.

Актуальность описания графических сокращений заключается в их широком использовании в различных сферах коммуникации, включая науку, технологии, рекламу и социальные сети. Графические сокращения упрощают восприятие информации, делая её более доступной и понятной для широкой аудитории. Они помогают экономить время и пространство в текстах, а также способствуют быстрому восприятию и запоминанию информации. Описание графических сокращений способствует их правильному использованию и пониманию, что особенно актуально в многоязычных и межкультурных контекстах.

Описание сокращения с точки зрения норм языка составляет большую проблему, которая заключается в том, что в текстах обнаруживается вариативность написания сокращений (например *млн* — *млн.*, *М.* — *МСК* и т. д.) Возникает необходимость в их упорядочивании, а значит — в прескриптивном подходе к ним.

Прескриптивными в языкознании называются правила, предписывающие, как следует говорить. Противопоставляются дескриптивным правилам, описывающим наблюдаемые в реальной речи явления. Прескриптивная лингвистика — одна из сторон теоретической лингвистики, называемая также предписательной или нормативной и существующая наряду с дескриптивной.

Прескриптивизм (от лат. *prescriptio* — «предписываю») — подход к языку, который ставит во главу угла фиксацию языковых норм и требование их исполнения. Прескриптивная лингвистика сначала определяет нормы и правила на основании исторического развития, фиксирует их в словарях и справочниках, а затем требует соответствия нормативам во всех сферах.

Графические сокращения стремятся к максимальной краткости, а потому большинство сокращенных слов представлены одной или двумя буквами (*к/т* — *кинотеатр*, *р.* — *река*). Они могут иметь несколько значений в зависимости от контекста (*о.* — *остров* или *озеро*). Одно и то же обозначение может быть использовано для нескольких слов (*г.* — *город*, *г.* — *год*). Отличаться сокращения могут только используемыми знаками препинания или размером букв (*с.-х.* — *сельскохозяйственный*, *с/х* — *сельское хозяйство*). Незнание правил графических сокращений приводит к путанице и неправильному толкованию (написание слов *филологический* и *философский* не *филол.* и *филос.*, а *фил.*).

Отсутствуют четкие общепринятые стандарты для использования графических сокращений. Различные авторы или организации могут применять разные обозначения, что явно препятствует пониманию и согласованности. На первый взгляд, словосочетания *сельскохозяйственный* и *сельское хозяйство* можно сократить по-разному: *с/х*, *с.х.*, *с-х*, *с.-х.*, *СХ*.

Язык — явление живое, постоянно изменяющееся. С каждым годом появляются новые слова, требующие своих графических сокращений, и наоборот, исчезают старые, и их обозначения уже не нуждаются в использовании. Ввиду этого существующие прескриптивные правила могут устаревать и становятся неактуальными для новых норм орфографии. В качестве примеров устаревших графических сокращений можно привести варианты сокращения слова *страница*, которое сокращалось как *стр.* В настоящее время *страница* и *страницы* сокращаются одинаково — *с.*

Из-за того, что основной функцией графических сокращений выступает экономия языковых средств, письменные обозначения должны быть предельно лаконичными и одновременно понятными (*филол.*, *филос.*, а не *фил.*). Это значительно ограничивает формат, особенно учитывая весь арсенал вспомогательных пунктуационных знаков, которых всего три (точка, дефис, косая черта). Поэтому нужно вывести четкие правила употребления графических сокращений, которые будут сохранять сложность и точность передаваемых слов.

Также стоит отметить, что графические сокращения часто используются без необходимого контекста, что может привести к их неправильному пониманию (*гр.* — *гражданин*, *грамм*, *группа*). Слишком большое количество графических сокращений в одном предложении вообще может превратить его в шифр (*М/ч б/в/п б/д с ж/п ищет с/о* — *молодой человек без вредных привычек, без детей с жилым помещением ищет свободные отношения; О кв., 50 кв. м, Н/С, ННП, охр/парк, РЕМ* — *однокомнатная квартира, 50 квадратных метров, новостройка/нормальное состояние, никто не прописан, с охраняемой парковкой, с ремонтом*).

Изложенные выше проблемы ограничивают эффективность и универсальность графических сокращений в коммуникации.

Поскольку одним из самых распространенных способов образования графических сокращений является усечение, то следует говорить о том, что в этом случае «осуществляется формальное варьирование слова» [10, с. 43]. Никаких ономастологических различий между словом и его графическим сокращением нет. Это же отмечает и В. Н. Немченко: «... усечение основы в подобных случаях <...> не меняет значения исходных, сокращаемых форм и не может рассматриваться как основное словообразовательное средство, а сокращенные образования, т. е. усеченные основы, — как самостоятельные слова; это скорее варианты соответствующих полных (неусеченных) слов» [6, с. 107]. Подобную закономерность описывал и Н. М. Шанский: «Все такого рода слова появляются как вариантные и первоначально стилистически ограниченные образования от полных слов» [12, с. 287].

При формировании графических сокращений используются следующие средства:

- использование точки в конце у большинства слов (*т.* — *том*, *р.* — *река*, *проф.* — *профессор*, *НО млн* — *миллион*, *кг* — *килограмм*);

- сокращение после согласного (*р.* и *руб.* — *рубль*, *им.* — *имени*);

- сохранение двойных согласных корня (*асс.* — *ассистент*, *долл.* — *доллар*, *илл.* — *иллюстрация*);

- использование точек, дефисов и косых черт (*б-ка* — *библиотека*, *ф-т* — *факультет*, *с.-х.* — *сельскохозяйственный*, *р-н* — *район*, *к/т* — *кинотеатр*, *х/б* — *хлопчатобумажный*);

- удвоенные буквы чаще всего обозначают множественное число (*гг.* — *годы* или *господа*, *пп.* — *пункты*, *тт.* — *тома*).

Т. В. Жеребило в «Словаре лингвистических терминов» давала определение графических сокращений как «сокращения слов, в которых отсечённая часть слова обозначается точкой, косой чертой или дефисом» [5, с. 80]. В той же работе исследовательница выделяла шесть типов графических сокращений, опираясь на пунктуационный аспект сокращений:

1) точечные сокращения — правая часть слова опускается и после оставшейся части ставится точка (*обеспеч.* — *обеспечение*, *кн.* — *книга*);

2) дефисные сокращения — опускается средняя часть слова и на этом месте ставится тире (*ун-т* — *университет*, *т-ка* — *тарелка*);

3) косослинейные сокращения — используются при сокращении словосочетаний и сложных слов, опускается первая часть после начальной буквы, на месте первой части ставится косая линия (*х/б* — *хлопчатобумажный*, *б/у* — *бывший в употреблении*);

4) курсивные сокращения — выделяются курсивом (*нсв* — *несовершенный*, *св* — *совершенный*);

5) нулевые сокращения — не выделяются графически, без использования знаков препинания (*кг* — *килограмм*, *г* — *грамм*);

6) комбинированные сокращения — смешение нескольких типов сокращений (*км/час* — *километров в час*, *п.-о.* — *почтовое отделение*) [5, с. 81–82].

С. О. Барина на основе графических сокращений языка Интернета в английском языке выделяла следующие виды, базирующиеся на моделях способов образования:

1) *сигль* — это инициальное графическое сокращение, которое складывается из первых букв слов словосочетания (*l < laugh; s < smile; h < hour; asap < as soon as possible; btw < by the way; iirc < if I remember correctly*);

2) *контрактуры* — консонантные графические сокращения, полученные из согласных букв слов (*esc < escape; exch < exchange; enq < enquiry*);

3) *фоноидеогаммы* — графические сокращения слов, которые созвучны с произношением цифр и символов, в русском языке практически не используются (*s2s < skin to skin; m8 < mate; ruok < are you OK; w4u < wait for you*);

4) *супенсии*, или *силлабогаммы* — это слоговые сокращения одного слова (*esc < escape; exch < exchange; enq < enquiry; поч* — *почему*, *прив* — *привет*);

5) *пиктогаммы* — знаки, которые передают не звуковую сторону фразы, а ее содержание, т.е. слово, предложение или текст (*:-D* — *означает, что человек смеется*; *:-(* — *он расстроен*; *☺* — *веселье*; *X!* — *typical woman*; *Y!* — *typical man*) [4, с. 25–26].

Для описания сокращений следует выделить как отдельное понятие графическую универбализацию. В. И. Теркулов писал: «... универбализация / универбация / семантическая конденсация / компрессия — это основанное на отношениях эквивалентностной (эквивалентной) мотивации образование слов на базе словосочетаний, при котором производящая и производная единицы имеют тождественное значение и могут употребляться в текстах как абсолютные синонимы» [10, с. 39]. Мы же будем говорить о графической универбализации, т. е. об образовании

слов на базе графических сокращений, при котором производящая и производная единицы имеют тождественное значение и могут употребляться в текстах как абсолютные синонимы. Графическая универбализация представляет собой образование сложного слова, универбата как исключительно графической единицы — это трансформация словосочетания или слова в сокращение, которое не произносят в устной речи, в то время как в ходе создания аббревиатур образуются произносимые по особым принципам сокращения.

Рассматривая графическую универбализацию и сравнивая ее с универбализацией аббревиатур, мы используем в качестве образца типологию универбализаций, предложенную В. И. Теркуловым [10]. Им выделяется семантическая и лексическая универбализация. Семантическая, в свою очередь, делится на эллипсис и универбацию.

Под эллипсисом понимается «процесс опущения одного из компонентов производящего словосочетания, при котором значение последнего передается сохраненным словом» [10, с. 44]. Отмечается эллипсис главного слова и эллипсис зависимого. В первом случае в сокращении остается главное слово, во втором — зависимое. Если применять данную типологию к графическим сокращениям, для неё следует сделать небольшие уточнения. При универбализации словосочетания в графическое сокращения есть несколько вариантов сокращения при помощи эллипсиса:

1) сохраняется только зависимое слово (*лесн. — дом лесника, К — купейный вагон*);

2) сохраняется только главное слово (*К. П. — командный пункт боевой части или службы корабля*);

3) все части словосочетания остаются (*двойственное число — дв. ч., его (её) императорское величество — Е. И. В., железнодорожная площадка — ж/д пл-ка*);

4) опускается только предлог (*килобит в секунду — Кбит/с., бывший в употреблении — б/у, кандела на люкс — кд/лк, м. п. — место для печати*).

Наиболее распространенным видом универбализации с помощью эллипсиса являются сокращения, в которых сохраняются все части словосочетания. Это объясняется тем, что при опускании некоторых слов в сокращении его значение может меняться или вовсе исчезнуть. В таком случае можно говорить об эллипсисе предлога, эллипсисе зависимого слова, эллипсисе главного слова и отсутствии эллипсиса (нулевом эллипсисе) в отношении графической универбализации.

Универбацией называется «имитация деривации, при которой семантика производного слова тождественна семантике производящего словосочетания целиком, а словообразовательный процесс осуществляется на базе зависимого слова» [10, с. 45]. Выделяются аффиксальная и безаффиксная универбация. «При аффиксальной универбации образование универба происходит путем присоединения к основе (части основы) зависимой лексемы производящего словосочетания словообразовательного аффикса» [10, с. 45]. «При безаффиксной универбализации производное слово представляет собой основу или усеченную основу зависимого слова производящего словосочетания, к которой добавляется набор флексий той части речи, к которой оно в конечном счете относится» [10, с. 45]. В случае графической универбализации можно говорить лишь о безаффиксной универбации, поскольку вариантов сокращений с появлением дополнительных аффиксов не зафиксировано. Примеры безаффиксной универбации: *клинич. — клинический, ленингр. — Ленинградский*.

В. И. Теркулов отмечает, что «при лексической универбализации происходит стяжение слов исходного словосочетания в слово» [10, с. 46]. Лексическая универбализация, в свою очередь, приводит к образованию композитов, юктапозитов и аббревиатур. Как отмечает исследователь, они «имеют общие значимые функциональные свойства, существуют в состоянии структурного

взаимопроникновения и различаются только объемом формальной репрезентации в производном слове компонента эквивалентного словосочетания: у композитов конструкт равен основе слова, у юкстапозитов — слову целиком (обычно неизменяемое), а у аббревиатур — части основы» [10, с. 49].

Для графических сокращений данная классификация малоприменима по нескольким причинам. Во-первых, среди графических сокращений очень мало композитов и аббревиатур. Во-вторых, юкстапозитов вовсе нет среди них, так как они представляют собой словосочетание, а это исключено при образовании графических сокращений, потому что в таком случае они не будут считаться сокращениями. В-третьих, у графических сокращений действуют свои особые принципы, которые достаточно противоречивы. Так, предлог часто заменяется косой линией (*м/с* — *метр в секунду*). Эти принципы малоизучены. По этой причине принципы образования графических сокращений составляют серьезную научную проблему и несут в себе большой потенциал для исследования, который не может исчерпаться одной статьей.

Подытоживая отметим, что приведённые классификации сокращений показывают их с разных сторон: классификация Т. В. Жеребило основывается на разделении сокращений по использованным в них пунктуационным знакам и шрифтам. С. О. Барина, в свою очередь, различала графические сокращения по способам их образования. В. И. Теркулов создал классификацию сокращений, основываясь на явлении универбализации.

В данном исследовании мы предлагаем совместить указанные классификации в одну, которая сочетает в себе характеристики, выявленные рассмотренными выше исследователями. Мы различаем сокращения:

1. По графическому типу:

а) точечные сокращения — правая часть слова опускается и после оставшейся части ставится точка (*обеспеч.* — *обеспечение*, *кн.* — *книга*);

б) дефисные сокращения — опускается средняя часть слова и на этом месте ставится тире (*ун-т* — *университет*, *т-ка* — *тарелка*);

в) косолинейные сокращения — для словосочетаний и сложных слов, опускается первая часть после начальной буквы, на месте первой части ставится косая линия (*х/б* — *хлопчатобумажный*, *б/у* — *бывший в употреблении*);

г) курсивные сокращения — выделяются курсивом (*нсв* — *несовершенный*, *св* — *совершенный*);

д) нулевые сокращения — не выделяются графически, без использования знаков препинания (*кг* — *килограмм*, *г* — *грамм*);

е) комбинированные сокращения — смешение нескольких типов сокращений (*км/час* — *километров в час*, *п.-о.* — *почтовое отделение*).

2. По типу эллипсиса:

а) эллипсис предлога — все остальные части словосочетания сохраняются (*двойственное число* — *дв. ч.*, *его (её) императорское величество* — *Е. И. В.*, *железнодорожная площадка* — *ж/д пл-ка*);

б) эллипсис в сторону зависимого слова — сохраняется только зависимое слово (*лесн.* — *дом лесника*, *К* — *купейный вагон*);

в) эллипсис в сторону главного слова — сохраняется только главное слово (*К. П.* — *командный пункт боевой части или службы корабля*);

г) отсутствие эллипсиса (нулевой эллипсис) — все части словосочетания остаются (*двойственное число* — *дв. ч.*, *его (её) императорское величество* — *Е. И. В.*, *железнодорожная площадка* — *ж/д пл-ка*).

3. По способу образования:

а) *сигль* — инициальное графическое сокращение, которое складывается из первых букв слов словосочетания (*нб* — *не был*, *п. р.* — *правая рука*, *РР* — *реле-регулятор*);

б) *контрактуры* — консонантные графические сокращения, полученные из согласных букв слов (*прпп.* — *преподобные*, *прмчч.* — *преподобномученики*, *миц.* — *мученицы*);

в) *суспенсии*, или *силлабограммы* — это слоговые сокращения одного слова (*сатирич.* — *сатирический*, *радиобиол.* — *радиобиологический*, *нефт.* — *нефтяной*).

Как уже было отмечено, группа графических сокращений изучена и описана недостаточно полно, что открывает значительные перспективы для исследований. По этой причине мы предполагаем разработать и описать новую нормативную базу для графических сокращений, которая заменит устаревшие, статичные списки в бумажных словарях. Этот реестр будет четко разграничивать обязательные нормы, рекомендуемые варианты и недопустимые формы и содержать пометы о сфере употребления, стиле и примерах употребления. Также нормативная база будет иметь механизмы предложения новых сокращений и экспертного обсуждения спорных случаев. Новый реестр призван не консервировать язык, а упорядочивать его естественную эволюцию, отделяя продуктивные тенденции от ошибок. Создание современной прескриптивной базы для графических сокращений — это не академическая задача, а практическая необходимость для цифрового общества. Она направлена на снижение транзакционных издержек в коммуникации, повышение надежности документов и формирование адаптивной, гибкой, но четкой системы языковых норм, отвечающей вызовам XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова русского языка / Д.И. Алексеев — Саратов: Издательство Саратовского университета. — 1979. — 328 с.
1. Асмус Н. Г., Полетаева Н. Д. Особенности функционирования сокращений в виртуальном дискурсе (на примере социальной сети Твиттер) // Челябинский гуманитарий. 2021. №2 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-sokrascheniy-v-virtualnom-diskurse-na-primere-sotsialnoy-seti-tvitter> (дата обращения: 01.12.2025).
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ» — 2010. — 576 с.
3. Баринаева С. О. Классификация сокращений в языке Интернета (на материале английского языка) / С. О. Баринаева. — Текст : электронный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена : сборник статей. — 2007. — Т. 12. — №33. — С. 24–27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-sokrascheniy-v-yazyke-interneta-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 03.12.2025).
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Изд-во "Пилигрим". — Т.В. Жеребило. — 2010. — 486 с.
5. Немченко В. Н. О понятии усечения основы слова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. — 2000. — №1. — С. 100–110.
6. Сайт «Грамота.ру» URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/pravila-russkoy-orfografii-i-punktuatsii/graficheskie-sokrascheniya?ysclid=m8q1cy52it121568796> (дата обращения: 01.12.2025).
7. Сайт «Sokr.ru». URL: <https://slovar.cc/rus/lingvist/1465444.html> (дата обращения: 02.12.2025).
8. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова и др. — Текст : электронный // Язык и картина мира : сборник статей. — М., 1988. — 204 с. — URL: https://www.phantastike.com/other/kartina_mira/pdf (дата обращения: 03.12.2025).
9. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке : монография / Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова, Н.Н. Болдырев, А.И. Бровец, М.Э. Де Пой, О.И. Дмитриева, К.Ю. Емельянова, Т.А. Кириченко, Н.П. Курмакаева, Н.А. Николина, Н.К. Ониненко, Т.Б. Радбиль, Л.А. Рацибурская, В.А. Рязанова, Е.В. Скачкова, И.Р. Смирнова, А.Л. Шарандин; отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова.

- Москва : Издательство Московского университета, 2024. — 322, [1] с. — Электронное издание сетевого распространения.
10. Хамраев Б. Д. Лексикализация графических сокращений и аббревиация как способы словообразования в русском языке / Б.Д. Хамраев // Молодой учёный. — 2016. — №6. — С. 952-955.
11. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: Изд-во МГУ. — 1968. — 310 с.

Поступила в редакцию 25.11.2025 г.

E. V. Razumnaya

THE GRAPHICAL ABBREVIATIONS AS AN OBJECT OF PRESCRIPTIVE DESCRIPTION

This article discusses the definitions of graphic abbreviations, their differences and similarities with abbreviations, the typology of graphic abbreviations, the basic principles of abbreviation, and the prescriptive areas of abbreviation. The relevance of this topic is determined by the widespread use of graphic abbreviations in various fields of communication, including science, technology, advertising, and social media. The description of graphic abbreviations contributes to their proper use and understanding, which is especially important in multilingual and intercultural contexts. The study identified some rules and patterns for graphic abbreviations, analyzed the classifications of graphic abbreviations by various researchers, and developed its own classification.

Key words: *graphic abbreviations, universalization, abbreviations, acronyms, prescriptive zones, prescriptive description.*

Разумная Екатерина Витальевна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: kate_razumnaya@mail.ru

Razumnaya Ekaterina Vitalievna.
Donetsk State University,
Donetsk, RF.
Student.
E-mail: kate_razumnaya@mail.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич.
Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isaevich.
Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University,
Donetsk, RF.
Head of the Department of Russian Language.
E-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 81
DOI: 10.5281/zenodo.18071339

А. В. Чистоклетова © 2025
*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)*

АББРЕВИАТУРНАЯ ПАРАДИГМА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ³

Работа посвящена характеристике понятия «аббревиатурная парадигма». Дано определение аббревиатурной парадигмы, определена роль синонимических отношений между сложносокращенными словами в ее формировании. Сформулированы ключевые характеристики аббревиатурной парадигмы как объединения сложносокращенных слов. В качестве главного свойства аббревиатурной парадигмы как лингвистической категории нами выделяется возможность употребления в одном тексте слов одной

³ Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации РК 125052006173-0).

аббревиатурной парадигмы для обозначения одного и того же референта. В качестве примера для анализа выбрана аббревиатурная парадигма «авто-мото-VELO», «агро-сельхоз», «зам-пом» и «зоо-вет». Исходя из результатов их анализа определены и описаны входящие в них лексико-семантические группы и ономаσιологические классы.

Ключевые слова: аббревиатурная группа, аббревиатурная парадигма, аббревиатурно-ономаσιологическое поле, лексико-семантическая группа, ономаσιологический класс, сложносокращенное слово, синонимия.

Целью работы является описание аббревиатурной парадигмы, под которой мы понимаем «совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономаσιологическое поле» [4, с. 91], как языковой категории. **Объектом исследования** являются аббревиатурные парадигмы «агро-сельхоз» (аграрный — сельскохозяйственный), «зоо-вет» (зоологический — ветеринарный), «авто-мото-VELO» (автомобильный — мотоциклетный — велосипедный), и «зам-пом» (заместитель — помощник), и входящие в них аббревиатурные группы и сложносокращенные слова, а **предметом** — отношения синонимии между всеми их компонентами.

Для достижения поставленной цели нами были сформулированы следующие **задачи**:

- Уточнить понятие «аббревиатурная парадигма»;
- Для каждой рассматриваемой парадигмы доказать принадлежность включенных в нее аббревиатурных групп к одному аббревиатурно-ономаσιологическому полю;
- Выяснить, на какие лексико-семантические группы и ономаσιологические классы подразделяются данные аббревиатурно-ономаσιологические поля;
- Доказать синонимичность входящих в каждую парадигму аббревиатурных групп.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые дано описание нескольких аббревиатурных парадигм как объединений сложносокращенных слов, связанных между собой отношениями синонимии.

Объектом исследования являются аббревиатурная парадигма «агро-сельхоз», объединяющая аббревиатурные группы «агро» и «сельхоз», и входящие в нее сложносокращенные слова, а **предметом** — отношения синонимии между всеми ее компонентами.

Материалом для исследования стали 5732 частично сокращенных и слоговых аббревиатур. Источником материала послужил словарь создаваемого Донецкой дериватологической школой «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка».

Актуальность работы обусловлена тем, что в ней впервые дано описание аббревиатурной парадигмы как объединения сложносокращенных слов, связанных между собой отношениями синонимии.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке нового понятия терминологической базы синхронно-эквивалентностного подхода к описанию аббревиатур. **Практическая значимость** определяется возможностью использования результатов исследования в вузовских курсах словообразования.

Аббревиатурная группа представляет собой объединение сложносокращенных слов, имеющих одинаковый начальный аббревиатурный конструкт. Например, слова *сельскохозяйственность*, *сельхозобъект*, *сельхозпроизводитель* и подобные имеют одинаковый начальный конструкт *сельхоз-*, на основании чего входят в аббревиатурную группу «сельхоз»; слова *велосипедисты*, *веломотор*, *велоплощадка* и

подобные имеют начальный конструкт *вело-* и входят в аббревиатурную группу «*вело*» и так далее.

Под **сложносокращённым словом** мы понимаем аббревиатуру, «связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)», определяемым как «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [3, с. 74]. Например, сложносокращёнными являются слово *замглавы*, состоящее из абброконструкта *зам-* (*заместитель*) и полного эквивалента слова (< *заместитель главы*), слово *ветклиника*, также состоящее из абброконструкта *вет-* (*ветеринарный*) и полного эквивалента слова (< *ветеринарная клиника*), а также слоговая аббревиатура *агропром*, состоящая из двух абброконструктов (< *аграрная промышленность*). Эквивалентные сложносокращённым словам словосочетания употребляются с ними в эквивалентных текстах — текстах, «в которых аббревиатура и эквивалентное словосочетание используются для обозначения одного и того же референта, то есть как абсолютные синонимы» [3, с. 76], например, аббревиатура *сельхозоборудование* и ее эквивалент *оборудование для сельхозтехники*: *По итогам участия делегации Дагдизеля в Агропромышленном форуме юга России завод уже заключил контракты на производство **сельхозоборудования**. — Предварительное соглашение достигнуто на производство навесного **оборудования для сельхозтехники** (плуги, культиваторы, опрыскиватели, дисковые бороны и комплектующие к ним) с ООО «Ростовский завод сельхозмашин».* (<https://dagdizel.ru/news/172-dagdizel-zaklucil-dogovor-na-postavku-selhozoborudovania>). Другой пример — аббревиатура *ветклиника* и ее эквивалент *ветеринарная клиника*: *Сеть ветеринарных центров «Манул» имеет одно головное предприятие, это **ветеринарная клиника** «Манул», которая располагается в Колпинском районе и сеть филиалов в Пушкинском районе и Кудрово. — Каждое отделение нашей **ветклиники** имеет свой магазин зоотоваров, а также аптеку для животных.* (<http://www.manulplus.ru/>).

Аббревиатурные группы, объединённые одной аббревиатурной парадигмой, входят в одно **аббревиатурно-ономасиологическое поле**, понимаемое нами как объединение сложносокращённых слов, базисные компоненты которых относятся к одной лексико-семантической группе. Аббревиатурные группы «*агро*» (*аграрный*) и «*сельхоз*» (*сельскохозяйственный*) объединяют сложносокращённые слова с синонимичными абброконструктами, выражающими принадлежность понятия к сфере сельского хозяйства, например *агроавиация* — «структурное подразделение агрохозяйства, использующее самолёты и вертолёты для выполнения разнообразных сельхозработ». Такое же значение имеет сложносокращённое слово *сельхозавиация* — они употребляются в одном тексте как абсолютные синонимы: *По сей день **агроавиация** остается незаменимым инструментом сельхозпроизводителей, помогающим добиваться рекордных урожаев. — 8 июля 2022 г. исполнилось 100 лет **сельхозавиации** России.* (<https://www.aviaport.ru/news/724061/>). Подобное синонимичное употребление возможно и для пары *агровуз* — *сельхозвуз*: *Согласно статистике, в **агровузы** почти не поступают олимпиадники, а медалистов просто очень мало.» — «К тому же, многие выпускники школ идут в **сельхозвуз** только «ради корочки», заведомо зная, что не будут работать по специальности, - согласно крайне грустной статистике, это 85-90% молодых людей.* (<https://direct.farm/post/samyeye-ostryye-problemy-agroobrazovaniya-11239>); для пары *агрополитика* — *сельхозполитика*: *Продуманная **агрополитика** позволила ЕС в течение 10-15 лет пройти путь от импортера сельхозпродукции до положения (близкого к самообеспечению) второго*

мирового экспортёра. — Однако со временем общая **сельхозполитика** стала не столько способствовать интеграции и подталкивать другие сферы к взаимопереплетению, сколько тормозить поступательность движения. (<https://economics.studio/mejdunarodnaya-ekonomika/obschaya-selskohozyaystvennaya-politika-primer-87399.html>) и под.

Как уже было сказано, **аббревиатурная парадигма** — это «совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле». Например, сложносокращённые слова, входящие в аббревиатурные группы **«авто»** (автомобильный), **«мото»** (мотоциклетный) и **«VELO»** (велосипедный), имеют общий для них всех оттенок значения — они обозначают понятия, относящиеся к сфере транспортных средств и их функционирования. Так, сложносокращённые слова **автоавария**, **мотоавария** и **VELOавария** имеют практически идентичные значения — «дорожное происшествие, произошедшее в процессе движения **автомобиля** / **велосипеда** / **мотоцикла**, при котором погибли или пострадали люди или повреждены транспортные средства, сооружения, грузы, либо причинён иной материальный ущерб». Подобное сходство значений наблюдается и в ряде **автоаксессуаров** — **VELOаксессуаров** — **мотоаксессуаров**: «вспомогательные, необязательные детали, обычно декоративного назначения, используемые в автомобилях / мотоциклах / на велосипедах» и других. Данные аббревиатурные группы можно объединить в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле — «транспортные средства», на основании чего мы делаем вывод, что они входят в одну аббревиатурную парадигму.

Под термином **«лексико-семантическая группа»** понимается «группа слов, объединяемых общностью категориально-родовой семы (архисемы) и общностью частеречной отнесенности» [2]. Они, в свою очередь, подразделяются на ономасиологические классы. Ономасиологический класс — это «объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинатов, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом» [1, с. 55]. Все рассматриваемые аббревиатурные парадигмы были проанализированы с точки зрения входящих в них лексико-семантических групп и ономасиологических классов.

Во всех рассматриваемых аббревиатурных группах, входящих в одну парадигму, отмечается большое количество пар слов, имеющих одинаковый базис (та часть сложносокращённого слова, которая не соответствует аббревиатурному конструкту). Наличие в этих словах аббревиатурных конструктов, входящих в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле, даёт основание предположить их синонимичность, что делает возможной их тождественную трактовку. Например, в паре **агроинструмент** — **сельхозинструмент** (базис **инструмент**) оба сложносокращённых слова имеют одно и то же значение — «ручное орудие, предназначенное для выполнения сельскохозяйственных работ»: *А в начале XX века появились новые **агроинструменты**, **агрокультуры**, в широкий обиход вошли удобрения.* (<https://riss.ru/news/smi/stolypin-ili-vitte/>) — *Грузинские фермеры приобрели удобрения, саженцы и **сельхозинструменты** на сумму более 31,5 миллиона лари в рамках государственной программы "Поддержка владельцев земель сельскохозяйственного назначения", говорится в сообщении агентства развития села Минсельхоза страны.* (<https://sputnik-georgia.ru/20221017/gosudarstvo-pomogaet-fermeram-priobretat-produktsiyu-dlya-raboty-271386427.html>).

Аббревиатуры **замначальника** и **помначальника** также имеют тождественные значения — «должность помощника руководителя организации, предприятия и др.»: *В документах учетно-распределительного отдела ГУЛАГа содержится рапорт о том, что 13 февраля 1938 года «**помначальника** учетно-регистрационного отдела произвел проверку*

эшелона, прибывшего на станцию Красная Пресня из Ташкента». — В 1947 году замначальника по режиму подполковник Полухин требовал «... изжить случаи использования заключенных мужчин на объектах совместно с женщинами». (<https://topos.memo.ru/article/371+82>). Это позволяет нам утверждать, что синонимия входящих в аббревиатурную парадигму сложносокращенных слов является одной из ключевых ее характеристик.

Аббревиатурная парадигма «агро-сельхоз» включает аббревиатурные группы «агро» (*аграрный* — предназначенный для сельского хозяйства) и «сельхоз» (*сельскохозяйственный* — относящийся к сельскому хозяйству, связанный с его развитием и деятельностью). Они объединяют сложносокращенные слова, имеющие аббреконструкты *агро-* и *сельхоз-*, которые выражают синонимичные значения — принадлежность понятия к сфере сельского хозяйства. На этом основании данная парадигма входит в аббревиатурно-ономасиологическое поле «сельское хозяйство».

Данное аббревиатурно-ономасиологическое поле включает 13 лексико-семантических групп:

- Названия объединений людей: наименования предприятий, то есть производственных, культурно-массовых либо торговых хозяйственных единиц (например *агромагазин* — *аграрный магазин*, *сельхозфирма* — *сельскохозяйственная фирма*); организаций, то есть юридически оформленных объединений людей (*агробанк* — *аграрный банк*; *сельхозорганизация* — *сельскохозяйственная организация*); частей каких-либо предприятий, организаций и т. д. (*агросектор* — *агропромышленный сектор*, *сельхозцех* — *сельскохозяйственный цех*); учреждений, т.е. юридически оформленных не производящих ничего организаций (*агроакадемия* — *аграрная академия*, *сельхозинститут* — *сельскохозяйственный институт*); подразделений, которые имеют специфические особенности предназначения, формирования и комплектования (*агробригада* — *агрономическая бригада*, *сельхозотряд* — *сельскохозяйственный отряд*); неофициальных объединений людей (*агрокружок* — *агрономический кружок*, *сельхозкооператив* — *сельскохозяйственный кооператив*), относящихся к области агрономии и сельского хозяйства;
- Лицо: наименования агентов, совершающих действия, связанные с агрономией и сельским хозяйством (*агробизнесмен* — *аграрный бизнесмен*, *сельхозработник* — *работник в сфере сельского хозяйства*);
- Пространственный объект: отношение некоторых пространственных объектов (протяженных и площадных) к агрономии и сельскому хозяйству (*агрозона*¹ — *аграрная зона*, *сельхозрынок* — *сельскохозяйственный рынок*); наименования ограниченной территории (*агропарк* — *аграрный парк*, *сельхозрайон* — *сельскохозяйственный район*); участков земной поверхности, занятых чем-л. (*агрометеопост* — *агрометеорологический пост*); частей объёма здания или сооружения, имеющих определённое назначение и ограниченных строительными конструкциями (*агробаза* — *аграрная база*, *сельхозсклад* — *сельскохозяйственный склад*), связанных с агрономией и сельским хозяйством;
- Объект: наименования объектов (*агрокарта* — *аграрная карт*, *сельхозинструмент* — *сельскохозяйственный инструмент*); их объединений (*агрооборудование* — *агропромышленное оборудование*, *сельхозпродукция* — *сельскохозяйственная продукция*); устройств, при помощи которых совершаются какие-л. действия, процессы и т. п. (*агромашина* — *аграрная машина*, *сельхозагрегат* — *сельскохозяйственный агрегат*); систем, т.е. множеств элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом,

которые образуют определённую целостность, единство (*агросистема* — *аграрная система*), связанных с агрономией и сельским хозяйством;

- Действие: обозначения комплекса действий (*агроплан* — *аграрный план*, *сельхозпроект* — *сельскохозяйственный проект*); последовательных действий (*агроанализ* — *агрохимический анализ*, *сельхозоборот* — *сельскохозяйственный оборот*); организованных действий или совокупности действий, направленных на осуществление определённой цели (*агровыставка* — *агропромышленная выставка*, *сельхозярмарка* — *сельскохозяйственная ярмарка*); деятельности, то есть процесса сознательного активного взаимодействия субъекта с объектом (*агромаркетинг* — *аграрный маркетинг*, *сельхознадзор* — *сельскохозяйственный надзор*), связанных с агрономией и сельским хозяйством;
- Финансовый объект: слова со значением финансовой операции, связанной с агрономией и сельским хозяйством (*агрокредит* — *аграрный кредит*, *сельхозналог* — *сельскохозяйственный налог*);
- Живой организм: наименования живых существ, связанных с агрономией и сельским хозяйством (*сельхозживотные* — *сельскохозяйственные животные*);
- Единица измерения времени: *агрогод* — *аграрный год*, *сельхозгод* — *сельскохозяйственный год*;
- Отрасль: обозначение отдельной области деятельности, науки, производства, связанной с агрономией и сельским хозяйством (*агрометеорология* — *аграрная метеорология*, *сельхозмашиностроение* — *сельскохозяйственное машиностроение*);
- Сфера деятельности: обозначение разновидностей работ или услуг, в которых принимает участие компания или человек и которые связаны с агрономией и сельским хозяйством (*сельхозполитика* — *сельскохозяйственная политика*);
- Информация: обозначение связанных с агрономией и сельским хозяйством сведений об объектах и явлениях окружающей среды, их свойствах, состоянии и проявлениях, которые воспринимают живые организмы, технические устройства или другие приёмники сведений (*агрознания* — *агрономические знания*, *сельхознаука* — *сельскохозяйственная наука*);
- Величина: слова, объединяющее что-то, связанное с агрономией и сельским хозяйством, что можно измерить, исчислить (*агрометеопараметры* — *агрометеорологические параметры*);
- Проблема: слово, обозначающее связанные с агрономией и сельским хозяйством сложные теоретические или практические вопросы, требующие изучения, разрешения (*сельхознужды* — *нужды сельского хозяйства*).

Самыми частотными из них являются «названия объединений людей» — включает 67 сложносокращённых слов (*агрофирма*, *сельхозинститут*, *агрокружок* и др.), «объект» (*агротранспорт*, *сельхозинструмент* и др.) и «действие» (*агропропаганда*, *сельхозпроизводство* и др.) — по 54 сложносокращённых слова.

В структуре аббревиатурной парадигмы «агро-сельхоз» нами было выделено 29 ономасиологических классов. Самые частотные из них — «объединение объектов» (*агроавиация*, *агропродукция*, *сельхозоборудование* и др.) — 31 сложносокращённое слово, «деятельность» (*агробизнес*, *сельхознадзор*, *сельхозторговля* и др.) — 26 сложносокращённых слов, и «учреждение» (*агроинститут*, *агрошкола*, *сельхозакадемия* и др.) — 23 сложносокращённых слова.

В рассматриваемой парадигме нами было обнаружено 148 сложносокращённых слов (или 74 пары), имеющих одинаковый базис и тождественное значение. Например, пара *сельхозгод* — *агрогод*: *Пока Россия не вывозила более 27 млн тонн в сельхозгод (июль 2011 - июль 2012 года)* — это был рекордный объём отгрузок за историю

российских поставок. — Второй по объёму отгрузок показатель - 22,4 млн тонн - пришелся на 2008/09 агрогод. (<https://tass.ru/ekonomika/1422855>) и под. Это составляет 57% от общего числа входящих в аббревиатурную парадигму сложносокращенных слов.

Аббревиатурная парадигма «**авто-мото-VELO**» включает аббревиатурные группы «**авто**» (**автомобильный** — предназначенный для автомобиля или автомобилиста), «**VELO**» (**велосипедный** — предназначенный для велосипеда, входящий в его структуру, дополняющий её) и «**мото**» (**мотоциклетный** — связанный с мотоциклами, с участием мотоциклов). Они объединяют сложносокращенные слова, имеющие аббреконтрукты **авто-**, **VELO-** и **мото-**, которые выражают синонимичные значения — принадлежность понятия к сфере транспортных средств и их функционирования. На этом основании данная парадигма входит в аббревиатурно-ономасиологическое поле «транспортное средство».

Данное аббревиатурно-ономасиологическое поле включает 8 лексико-семантических групп:

- Названия объединений людей: наименования предприятий, то есть производственных, культурно-массовых либо торговых хозяйственных единиц (например *автозавод* — *автомобильный завод*, *VELOмастерская* — *велосипедная мастерская*, *мотофирма* — *мотоциклетная фирма*); организаций, то есть юридически оформленных объединений людей (*автоклуб* — *автомобильный клуб*; *VELOмойка* — *велосипедная мойка*, *мотоателье* — *мотоциклетное ателье*); учреждений, т.е. юридически оформленных не производящих ничего организаций (*VELOакадемия* — *велосипедная академия*, *мотомагазин* — *мотоциклетный магазин*); подразделений, которые имеют специфические особенности предназначения, формирования и комплектования (*автоуправление* — *автомобильное управление*); формирований, т.е. постоянных или временных организационных единиц вооружённых силах государства и в других «силовых» структурах (*VELOбатальон* — *велосипедный батальон*, *мотопатруль* — *мотоциклетный патруль*), относящихся к области авто-, мото- и велотранспорта;
- Лицо: наименования агентов, совершающих действия, связанные с авто-, мото- и велотранспортом (*автоимпортер* — *автомобильный репортер*, *VELOгонщик* — *велосипедный гонщик*, *мототренер* — *тренер по мотоспорту*);
- Пространственный объект: отношение некоторых пространственных объектов (протяженных и площадных) к области авто-, мото- и велотранспорта (*VELOколонна* — *велосипедная колонна*, *мотокараван* — *караван мотоциклов*); наименования ограниченной территории (*автостоянка* — *автомобильная стоянка*, *VELOзона* — *велосипедная зона*, *мототрасса* — *мотоциклетная трасса*); участков земной поверхности, занятых чем-л. (*агрометеопост* — *агрометеорологический пост*); частей объёма здания или сооружения, имеющих определённое назначение и ограниченных строительными конструкциями (*автогараж* — *автомобильный гараж*, *VELOзал* — *велосипедный зал*, *мотостадион* — *стадион для мотогонок*), связанных с авто-, мото- и велотранспортом;
- Объект: наименования объединений объектов (*автотовары* — *автомобильные товары*, *VELOинвентарь* — *велосипедный инвентарь*, *мотозапчасти* — *запчасти для мотоцикла*); приспособлений, т.е. предметов, всяких устройств, при помощи или посредством которых производится какая-н. работа, действие (*автомотор* — *автомобильный мотор*, *VELOзеркало* — *велосипедное зеркало*, *мотошлем* — *мотоциклетный шлем*); изданий, т.е. электронных или

печатных произведений, подготовленных для передачи целевой аудитории (*автоатлас* — *автомобильный атлас*, *мотокаталог* — *каталог мотоциклов*) связанных с авто-, мото- и велотранспортом;

- **Действие:** обозначения комплекса действий (*агроплан* — *аграрный план*, *сельхозпроект* — *сельскохозяйственный проект*); последовательных действий (*агроанализ* — *агрохимический анализ*, *сельхозоборот* — *сельскохозяйственный оборот*); организованных действий или совокупности действий, направленных на осуществление определённой цели (*агровыставка* — *агропромышленная выставка*, *сельхозярмарка* — *сельскохозяйственная ярмарка*); деятельности, то есть процесса сознательного активного взаимодействия субъекта с объектом (*агромаркетинг* — *аграрный маркетинг*, *сельхознадзор* — *сельскохозяйственный надзор*), связанных с авто-, мото- и велотранспортом;
- **Временной объект:** *велосезон* — *велосипедный сезон*;
- **Отрасль:** обозначение отдельной области деятельности, науки, производства, связанной с авто-, мото- и велотранспортом (*автоиндустрия* — *автомобильная индустрия*, *велопромышленность* — *велосипедная промышленность*);
- **Информация:** обозначение абстрактных осмысленных представлений суждений о каком-либо объекте (*велоневести* — *велосипедные новости*).

Самыми частотными из них являются группы «объект» — включает 877 сложносокращённых слов (*автоэвакуатор*, *велокуртка* и др.), «действие» (*автогонки*, *мотоэкспедиция* и др.) — 404 сложносокращённых слова, и «названия объединений людей» (*велоклуб*, *мотосалон* и др.) — 234 сложносокращённых слова.

В структуре аббревиатурной парадигмы «**авто-мото-VELO**» нами было выделено 25 ономазиологических классов. 25 ОК. Самые частотные из них: «приспособление» (*автосигнализация*, *велопереклюатель* и др.) — 552 сложносокращённых слова, «мероприятие» (*автоперевозки*, *веломарафон*, *мотопутешествие* и др.) — 328 сложносокращённых слов, и «агент» (*автообозреватель*, *велогонщик*, *мототренер* и др.) — 155 сложносокращённых слов.

В рассматриваемой парадигме нами было обнаружено 863 сложносокращённых слова (или 345 пар и рядов), имеющих одинаковый базис и тождественное значение. Например, ряд *автоаптечка* — *VELOаптечка* — *мотоаптечка*: *Самая дорогая автоаптечка «Полярник» (ООО "Вектор") в московских аптеках стоит 419 рублей, при этом ее содержимое соответствует стандарту всего на 20% (из 15 пунктов 5 прошли проверку, аптечка заняла 21 место Рейтинга)». (<https://vk.com/@firstaidinmountain-rossiiskie-avtoaptechki-okazalis-neprigodnymi-dlya-pervoi-po>). — **Велоаптечка** — незаменимый аксессуар для каждого велосипедиста, обеспечивающий безопасность и комфорт во время поездки. (https://probike.by/catalog/aksessuary/veloaptechki/?srsId=AfmBOornkgLdhzvgjunWUSKH0JKfRcQPS33Ulba98tQSOcf-00KOMd_). — **Мотоаптечка** — жизненно важный аксессуар, который должен быть у каждого мотоциклиста. (<https://tvoygaraj.ru/novosti/instructions/chto-podarit-mototsiklistu-spisok-idey.html?srsId=AfmBOoq6mgaFYKUUM7Er45hPV9Y-z9Sy6HPZfCjaTOKrvGv3JdszVEjM>). Это составляет 46% от общего числа входящих в аббревиатурную парадигму сложносокращённых слов.*

Аббревиатурная парадигма «**зам-пом**» включает аббревиатурные группы «**зам**» (*заместитель* — официальное название должности помощника начальника какого-нибудь учреждения) и «**пом**» (*помощник* — должностное лицо, непосредственно подчиненное основному руководящему работнику, помогающее ему и являющееся обычно его заместителем). Они объединяют сложносокращённые слова, имеющие аббреконструкты *зам-* и *пом-*, которые выражают синонимичные значения —

выполнение обозначаемым лицом функцию помощи. На этом основании данная парадигма входит в аббревиатурно-ономасиологическое поле «помощник».

Данное аббревиатурно-ономасиологическое поле включает всего 1 ономасиологический класс и, соответственно, одну лексико-семантическую группу — «лицо», или наименования агентов, совершающих действия, связанные с выполнением функции помощи (*замдекана — заместитель декана, помкомбриг — помощник командира бригады* и др.). Он включает 56 сложносокращенных слов.

В рассматриваемой парадигме нами было обнаружено 16 сложносокращенных слова (или 8 пар), имеющих одинаковый базис и тождественное значение. Например, пара *замначальника — помначальника*: *Советский райсуд Казани изменил меру пресечения замначальника отдела по вопросам миграции УМВД по столице РТ Алексею Семенову.* (<https://m.business-gazeta.ru/news/667389>). — *А участвовала в конкурсе она как помначальника по ЛС ОМВД России по району Алексеевский, ведь свой первый столичный год она отработала именно в Алексеевском.* (<https://petrovka-38.com/arkhiv/item/zakonomernost-podpolkovnika-cherbakovskoj>). Это составляет 27% от общего числа входящих в аббревиатурную парадигму сложносокращенных слов.

Аббревиатурная парадигма «*зоо-вет*» включает аббревиатурные группы «*зоо*» (*зоологический* — свойственный животным, характерный для них) и «*вет*» (*ветеринарный* — относящийся к лечению животных). Они объединяют сложносокращенные слова, имеющие аббреконструкты *зоо-* и *вет-*, которые выражают синонимичные значения — принадлежность понятия к сфере зоологии. На этом основании данная парадигма входит в аббревиатурно-ономасиологическое поле «зоология».

Данное аббревиатурно-ономасиологическое поле включает 9 лексико-семантических групп:

- Названия объединений людей: наименования предприятий, то есть производственных, культурно-массовых либо торговых хозяйственных единиц (например *ветзавод — ветеринарный завод*); организаций, то есть юридически оформленных объединений людей (*ветслужба — ветеринарная служба*); учреждений, т.е. юридически оформленных не производящих ничего организаций (*зоомагазин — магазин зоотоваров, ветинститут — ветеринарный институт*); подразделений, которые имеют специфические особенности предназначения, формирования и комплектования (*зоофакультет — зоологический факультет, ветотдел — ветеринарный отдел*), относящихся к области зоологии;
- Лицо: наименования агентов, совершающих действия, связанные с зоологией (*ветврач — ветеринарный врач*);
- Пространственный объект: отношение некоторых пространственных объектов (протяженных и площадных) к области зоологии (*зоосфера — зоологическая сфера*); наименования ограниченной территории (*зооуголок — зоологический уголок*); частей объёма здания или сооружения, имеющих определённое назначение и ограниченных строительными конструкциями (*зоокабинет — зоологический кабинет, ветлаборатория — ветеринарная лаборатория*); объединений строений (*зоозона — зоологическая зона*), связанных с зоологией;
- Объект: наименования объединений объектов (*ветоборудование — ветеринарное оборудование*); приспособлений, т.е. предметов, всяких устройств, при помощи или посредством которых производится какая-н. работа, действие (*зооатлас — зоологический атлас*); средств, т.е. веществ или препаратов для лечения конкретного недуга или решения конкретной бытовой задачи (*ветшампунь — ветеринарный шампунь*) связанных с зоологией;

- Деятельность: обозначения комплекса действий (*ветнадзор* — *ветеринарный надзор*), связанных с зоологией;
- Отрасль: обозначение отдельной области деятельности, науки, производства, связанной с зоологией (*зоогигиена* — *зоологическая гигиена*, *велопромышленность* — *велосипедная промышленность*);
- Информация: обозначение абстрактных осмысленных представлений суждений о каком-либо объекте (*велонести* — *велосипедные новости*);
- Состояние: множество устойчивых значений переменных параметров объекта (*ветзаболевание* — *ветеринарное заболевание*);
- Живой организм: живое существо, не являющееся агентом (*зоопланктон* — *зоологический планктон*).

Самая частотная из них — «названия объединений людей» (*зоотехникум*, *ветлечебница* и др.). она включает 38 сложносокращенных слов.

В структуре данной аббревиатурной парадигме нами было выделено 18 ономазиологических классов. Самые частотные из них: «учреждение» (*зоомагазин*, *ветполиклиника* и др.) — 29 сложносокращенных слов, и «лицо» (*ветврач*, *веттехник* и др.) — 10 сложносокращенных слов.

В рассматриваемой парадигме нами было обнаружено 14 сложносокращенных слова (или 7 пар), имеющих одинаковый базис и тождественное значение. Например, пара *зоолаборатория* — *ветлаборатория*: *Они также посетили музейную зоолабораторию, где познакомились с тропическими обитателями музея.* (<https://popechitely42.ru/tpost/e23fbv12h1-novii-proekt-dlya-uchastnikov-svo-prodol>). — *Областная ветлаборатория обеспечивает эпизоотическое благополучие области и создаёт условия для производства и реализации безопасной в ветеринарно-санитарном отношении продукции животного и растительного происхождения.* (https://vestitambov.ru/new/s-nachala-goda-oblastnaja-vetlaboratorija-provela-bolee-150-tysjach-issledovaniy/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com). Это составляет 17% от общего числа входящих в аббревиатурную парадигму сложносокращенных слов.

Таким образом, нами было установлено, что аббревиатурная парадигма представляет собой объединение сложносокращенных слов с синонимичными аббревиатурными конструктами. Синонимию аббревиатурных конструктов отражает их вхождение в одно аббревиатурно-ономазиологическое поле, которое является объединением лексико-семантических групп сложносокращенных слов, подразделяющихся, в свою очередь, на ономазиологические классы. Сложносокращенные слова, входящие в одну аббревиатурную парадигму и имеющие одинаковый базис, могут трактоваться как абсолютные синонимы. В ходе работы была определена принадлежность аббревиатурных парадигм «агро-сельхоз», «авто-мото-VELO», «зам-пом» и «зоо-вет» к соответствующим аббревиатурно-ономазиологическим полям, выделены входящие в них лексико-семантические группы и ономазиологические классы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Горловка, 2010.
2. Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка [Электронный ресурс] / О. Л. Рублева. — Режим доступа: <http://bookbk.net/book/140-leksikologiya-sovremennogoruskogo-yazyka-o-l-rubleva/30-224-leksiko-semanticheskie-i-tematicheskie-gruppy-slov.html> — (Дата обращения: 21.01.2025).
3. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.

4. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 79–96.

Поступила в редакцию 27.11.2025 г.

A. V. Chistokletova

ABBREVIATED PARADIGM AS A LINGUISTIC CATEGORY

This article is devoted to the characteristics of the concept « abbreviation paradigm». The article provides a definition of an abbreviation paradigm and identifies the role of synonymous relations between compound abbreviations in its formation. The key characteristics of an abbreviation paradigm as a combination of compound abbreviations are formulated. As the main property of an abbreviation paradigm as a linguistic category, we highlight the possibility of using words from the same abbreviation paradigm to refer to the same referent in the same text. The article uses the abbreviation paradigm "auto-moto-velo", "agro-selkhoz", "zampom", and "zoo-vet" as an example for analysis. Based on the results of their analysis, the lexical-semantic groups and onomasiological classes included in them are determined and described.

Key words: *abbreviation group, abbreviation paradigm, abbreviation-onomasiological field, lexical-semantic group, onomasiological class, compound word, synonymy.*

Чистоклетова Анна Валериевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Студент.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru

Chistokletova Anna Valerievna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Student.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Профессор кафедры русского языка.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isaevich.

Doctor of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Professor of the Department of Russian Language.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Методика преподавания русского языка

УДК 5.8.2.

DOI: 10.5281/zenodo.18071361

В. И. Тохтарова © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. А. Н. Стебунова)*

МЕТОДИКА ВКЛЮЧЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ФОЛЬКЛОРА В ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И МЕМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ 5–8 КЛАССОВ)

Распространение интернет-коммуникации привело к активному проникновению элементов интернет-фольклора в повседневную речевую практику подростков. Данные феномены представляют значительный интерес для лингводидактики, поскольку в их вербальной составляющей находят отражение актуальные процессы в области лексики, грамматики и стилистики современного русского языка. В статье обосновывается методика интеграции интернет-фольклора в учебный процесс по русскому языку в средней школе. Использование мемов и примеров языковой игры позволяет актуализировать знания учащихся 5–8 классов, сформировать навыки лингвистического анализа и критической оценки текста. Предлагаемый подход, включающий творческие задания по созданию собственных дидактических материалов, способствует повышению мотивации и делает процесс формирования языковой компетенции более динамичным и соответствующим современным цифровым реалиям.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, интернет-фольклор, лингвокреативность, языковая игра, интернет-мемы, языковая картина мира, лингвистическая компетенция, цифровая дидактика.

Современное образование переживает период глубокой трансформации, детерминированной стремительной цифровизацией общества и кардинальным изменением коммуникативных практик подрастающего поколения. Учащиеся 5–8 классов, представляющие собой когорту так называемого поколения Z и Альфа, являются не пассивными потребителями, но активными со-творцами интернет-пространства, внутри которого формируется и функционирует особая, динамичная языковая реальность — интернет-фольклор. Его смысловое и структурное ядро составляют феномены интернет-мемов и языковых игр, которые трансцендируют рамки простого молодёжного сленга или развлечения. Эти феномены выступают мощными инструментами лингвокреативности, спонтанного словотворчества и, что особенно значимо, рефлексии над самой природой языка, его нормами и возможностями. Как отмечает М. А. Кронгауз в своей фундаментальной работе «Русский язык на грани нервного срыва», интернет стал гигантской лабораторией, где язык живёт в режиме реального времени, демонстрируя процессы, которые в доцифровую эпоху заняли бы десятилетия [2].

Однако парадоксальным образом традиционная, во многом консервативная, система преподавания русского языка в средней школе часто остаётся в стороне от этих бурных процессов. Это создаёт устойчивый и всё расширяющийся разрыв между формальным содержанием школьной программы, ориентированной на каноническую норму, и живой, импровизационной речевой практикой учеников в их естественной цифровой среде обитания. Подобный диссонанс приводит к снижению мотивации, формированию представления о школьном предмете как об архаичном и оторванном от

жизни знания. *Актуальность* настоящего исследования, таким образом, проистекает из насущной необходимости методологического преодоления этого разрыва. Интеграция интернет-фольклора в учебный процесс видится не как дань моде, а как продуманная педагогическая стратегия, позволяющая использовать внутреннюю мотивацию учащихся, их естественный интерес к цифровому контенту в дидактических целях.

Цель данной работы заключается в разработке и комплексном теоретико-методическом обосновании системы приёмов использования интернет-мемов и языковых игр в качестве эффективных средств формирования углублённой лингвистической компетенции и развития навыков метаязыковой рефлексии у учащихся 5–8 классов. Достижение этой цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: анализ лингвистической природы интернет-мема и языковой игры в цифровой среде; выявление их дидактического потенциала для решения конкретных задач обучения русскому языку; разработку типологии заданий и уроков на основе данного материала; рассмотрение интернет-фольклора как своеобразного «ключа» к пониманию языковой картины мира современного школьника.

Феномен интернет-мема, будучи объектом междисциплинарного изучения, требует чёткого определения в лингводидактическом ключе. Вслед за Р. Докинзом, введшим термин «мем» как культурный аналог гена, и последующими исследователями цифровой культуры можно констатировать, что интернет-мем представляет собой единицу культурной информации, распространяющуюся по сетям через имитацию и репликацию. [1, с. 374] Однако для лингвистики и методики первостепенное значение имеет его вербально-креолизованная природа. Мем — это, как правило, поликодовый текст, в котором вербальный компонент (слово, фраза, диалог) находится в неразрывной связи с визуальным (изображение, фото, схема) или аудиальным, формируя единое смысловое целое, где сумма частей меньше целого. Эта креолизованность, по замечанию Ю. Г. Писаренко, является прямым отражением клипового, нелинейного мышления современного подростка, что делает мем идеально соответствующей формой для его восприятия. Л. Омарова описывает клиповое мышление как форму «мгновенного восприятия», характеризующуюся не столько мыслительной активностью, сколько подверженностью информационному воздействию. [6]. В результате такого восприятия возникает постоянная потребность в накоплении новых фрагментов смысла, в то время как способность возвратиться к прошлому, установить связи и повторения, а также провести аналитические операции, становится затруднительной. Именно эта особенность делает методически выверенную работу с мемами столь важной — она позволяет превратить слабость клипового восприятия в силу, обучая выстраивать связи и проводить анализ на материале, который изначально воспринимается как цельный, но простой фрагмент.

С лингвистической точки зрения, мемы являются концентрированным проявлением языковой игры, понимаемой в широком смысле как нестандартное, творческое использование ресурсов языка, направленное на достижение экспрессивного, комического или эстетического эффекта. В мемах реализуются практически все приёмы языковой игры: каламбур и парадокс, намеренное орфографическое искажение, окказиональное словообразование, игра с прецедентными текстами и фразеологизмами. Каждый такой приём — это не случайная ошибка, а осознанное отклонение от нормы, требующее для своего декодирования от пользователя определённого уровня языковой компетенции и фоновых знаний. Как подчёркивает Е. С. Кубрякова, наблюдение над окказиональными образованиями и намеренными нарушениями нормы является мощным стимулом для развития метаязыкового сознания, так как заставляет задуматься о самой системе правил, которые были нарушены [3]. В учебной ситуации этот факт составляет основу

дидактического потенциала мемов. Работа с ними в классе позволяет перевести спонтанную, часто неосознанную, языковую рефлексию подростка в плоскость осмысленного анализа, превратив его из пассивного потребителя юмора в активного исследователя языковых механизмов.

Важнейшим аспектом для интеграции в образовательный процесс является связь интернет-фольклора с языковой картиной мира его создателей и потребителей. Языковая картина мира, понимаемая как исторически сложившаяся в сознании языкового коллектива и опосредованная языком совокупность представлений о мире, в цифровую эпоху обогащается новыми, виртуальными концептами и способами их репрезентации. Мемы выступают здесь как «свёрнутые» тексты, кодирующие целые комплексы культурных смыслов, оценок, поведенческих моделей и социальных установок, актуальных для молодёжного сообщества. Например, мем «*Это фиаско, братан*» репрезентирует не просто констатацию неудачи, а целую философию принятия провала с ироничным достоинством, становясь формулой для стоической реакции на любую жизненную неприятность. А мем «*Ты не просто идиот, ты — идиот эпохи Просвещения*» использует историко-культурную отсылку для создания изощрённого оскорбления, что говорит о своеобразной «начитанности» цифровой иронии. Анализ подобных единиц на уроке позволяет учителю и ученикам совместно исследовать, как в языке отражаются современные ценности, эмоции и отношения. Таким образом, изучение мемов становится окном в актуальную, динамичную языковую картину мира поколения, что соответствует антропоцентрической парадигме современного языкознания и личностно-ориентированному подходу в образовании, теоретические основы которого заложены в трудах И. А. Зимней и А. А. Леонтьева. [4]

Разработка методики требует органичного перехода от теоретического осмысления феномена к созданию конкретных, жизнеспособных педагогических инструментов. Предлагаемая методическая система строится на трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных принципах, которые обеспечивают её эффективность, безопасность и педагогическую ценность.

Первый принцип — дидактическая целесообразность — предполагает, что любой отобранный мем или пример языковой игры должен не просто развлекать, а чётко и непосредственно работать на достижение конкретной предметной цели урока, будь то усвоение орфографического правила, развитие лексического запаса или формирование навыка стилистического анализа. Второй принцип — культурная и этическая релевантность — служит необходимым фильтром, требующим от педагога тщательного отбора контента, который должен быть не только актуальным, но и уместным в образовательной среде, исключая вредоносные, оскорбительные или деструктивные элементы. Третий принцип — творческая интерактивность — вытекает из самой природы интернет-фольклора как явления соучастного творчества и предполагает вовлечение учащихся не в пассивное потребление, а в активную деятельность по анализу, интерпретации и, что особенно важно, созданию собственного контента, что максимально соответствует цифровым привычкам современного школьника.

В контексте работы над языковой нормой, особенно в таких традиционно сложных для учащихся разделах, как орфография и пунктуация, интернет-мемы демонстрируют удивительную эффективность в преодолении абстрактности правил. Абстрактность формулировок, оторванность примеров от жизненного контекста часто составляют главную психологическую трудность. Интернет-мемы, с их присущими им наглядностью, эмоциональной заряженностью и ситуационной конкретностью, способны эту абстрактность преодолеть, «оживив» правило.

Ярким примером может служить приём, условно называемый «*мем-конфликт*». Представим ситуацию на уроке в 6 классе при изучении правописания мягкого знака в глаголах. Учащимся демонстрируется мем: на изображении — растерянный человек перед дверью с табличкой «*КВАРТИРА СДАЁТСЯ*», а подпись гласит: «*Он здесь не живётся!*». Визуальный ряд сразу создаёт комический диссонанс, когнитивный конфликт между намерением (снять квартиру) и абсурдностью утверждения, вызванной грамматической ошибкой. Задача класса трансформируется из скучного «вставьте букву» в увлекательное расследование: не просто исправить ошибку, но и лингвистически аргументировать её, объяснив, почему в данном контексте, где речь идёт о действии в 3 лице, выбор «*-ться*» неверен, а необходимо «*-тся*». Такой метод трансформирует пассивное знание формального правила (задаём вопрос к глаголу) в активный навык его осмысленного применения в конкретной, эмоционально окрашенной коммуникативной ситуации, где ошибка имеет не отвлечённые, а вполне ощутимые смысловые последствия.

Аналогичным образом работает визуализация классических пунктуационных задач. Всем известный пример «Казнить нельзя помиловать» может быть подан через призму крайне популярного мем-формата «*Выбор из двух кнопок*». На таком изображении представлены две большие кнопки: под первой, которая ведёт к мрачному, тюремному сценарию, надпись «*Казнить, нельзя помиловать*»; под второй, ведущей к радостному, освобождающему исходу, — «*Казнить нельзя, помиловать*». Такая визуализация через гиперболу и геймификацию делает абстрактное правило об обособлении или необособлении обстоятельства наглядным, буквально осязаемым. Ученик видит, что запятая — это не техническая закорючка, а активный участник смыслообразования, своего рода «переключатель судьбы» текста, от положения которого может кардинально зависеть интерпретация. Это формирует устойчивую ассоциацию между правильной пунктуацией и точностью, однозначностью передачи мысли, подчёркивая её глубокую коммуникативную значимость, что гораздо эффективнее многочисленных повторений правила.

В области лексики и словообразования работа с мемами открывает не менее широкие возможности для глубокого и увлекательного лингвистического анализа, позволяя наблюдать язык в действии, в момент рождения новых форм. Возьмём для рассмотрения ставший уже хрестоматийным мем «*Превед, медвед!*», являющийся эталонным примером так называемого «олбанского» языка или «падонкаффского» жаргона. Работа с этим материалом не должна сводиться к примитивному осуждению «безграмотности», что только оттолкнёт учеников, для которых такой стиль может ассоциироваться с определённой сетевой субкультурой. Гораздо продуктивнее построить занятие как исследовательский квест по лингвистической «криминалистике» — «декодированию» текста. Учащимся предлагается выполнить последовательность действий: сначала восстановить литературную норму («привет»), затем выявить сознательно нарушенное правило (написание приставки «при-» со значением приближения, которая под ударением пишется как «пре-» только в исключениях), и, что наиболее важно с методической точки зрения, проанализировать прагматический эффект этого нарушения.

Опираясь на анализ М. А. Кронгауза, можно показать, что подобная орфографическая игра — это не ошибка, а контригра, построенная по строгим, хотя и антинормативным, правилам [2]. Её цель — создание специфического юмора, стилизация речи под определённый, часто «троллинговый» или нарочито грубовато-ироничный имидж в сети, маркировка своей принадлежности к конкретному интернет-сообществу. Такое обсуждение позволяет выйти на принципиально важный для подростков вопрос: как выбор орфографии, грамматики, лексики влияет на восприятие

говорящего, на формирование его цифрового образа и стиля общения? Таким образом, формальное правило связывается с реальными социальными практиками и личной идентичностью ученика в сети.

Более сложный и тонкий лингвистический процесс, затрагивающий фонетическую адаптацию и активные словообразовательные модели, демонстрирует, например, неологизм «крипота». Его разбор на уроке становится прекрасным поводом для практического применения знаний по словообразованию, выходящего за рамки учебника. Учащиеся под руководством учителя вычленяют основу «крип-» (от англицизма *creepy* — жуткий, пугающий), продуктивный разговорный суффикс субъективной оценки «-от-» и окончание «-а». Такой анализ позволяет на живом, актуальном материале обсудить сразу несколько важных явлений: усечение основы при заимствовании для удобства произношения в русской среде, активность определённых экспрессивных словообразовательных моделей в молодёжной речи, механизм создания эмоционально окрашенных, оценочных номинаций. Следующим логичным шагом становится лексическая работа — подбор синонимического ряда: «крипота» — «жуткость», «страшилка», «зловещество», «жуть». При этом важно не просто перечислить слова, а обсудить стилистические и смысловые нюансы каждого варианта: «жуткость» — более нейтрально-литературное, «страшилка» — разговорное, часто о пугающих историях, «зловещество» — книжное, с оттенком предвестия беды, «жуть» — просторечное. Такая работа не по заданию учебника, а по следам реального языкового события, напрямую формирует лексическую компетенцию, чувство стиля и понимание того, как язык реагирует на новые явления культуры.

Особый, не менее важный пласт методической работы составляют мемы, где ключевая роль принадлежит не лексике или орфографии, а прагматике и просодии — невербальным, интонационным компонентам смысла, которые особенно трудно уловить и передать на письме. Яркий пример — распространённая антифраза «*А кто такой этот ваш ...?*» (например, «...ваш Пушкин?»). Эффект едкой иронии, показного пренебрежения здесь создаётся не выбором слов, а исключительно интонационным рисунком, специфической мелодикой фразы, имитирующей снисходительное неведение. На уроке развитие этого навыка можно организовать через работу в парах: один ученик произносит фразу «*А кто такой этот ваш Пушкин?*» с нейтральной, вопросительной интонацией (допустим, искренне не зная, о ком речь), другой — с явной иронической окраской. Затем класс коллективно становится «звукорежиссёром», описывая, за счёт каких конкретных аудиальных средств был достигнут комический эффект: замедленный темп, особые паузы (после «ваш»), изменение высоты тона, специфическое растягивание гласных. После этого возникает следующая, чрезвычайно важная для развития письменной речи задача: как адекватно передать эту устную, интонационную иронию на письме, где нет возможности поставить «знак иронии»? Учащиеся предлагают свои варианты: использование кавычек («*А кто такой этот ваш «Пушкин»?*»), многоточия для обозначения паузы («*А кто такой этот ваш... Пушкин?*»), вводных конструкций или скобок с метаописанием («*А кто такой этот ваш (пренебрежительно) Пушкин?*»). Это упражнение напрямую и продуктивно связывает разделы «Фонетика» и «Развитие связной речи», наглядно демонстрируя извечную проблему перевода богатства устной, живой речи в условности письменного формата и подчёркивая важность освоения всего арсенала средств письменной выразительности.

Кульминацией и наиболее мотивирующим элементом предложенной методики, безусловно, являются творческие задания по созданию учащимися собственных дидактических мемов. Это задание относится к высшему уровню таксономии Блума (создание) и требует от ученика не простого воспроизведения или даже анализа

материала, а его глубокой творческой переработки, синтеза лингвистического знания и медийного формата. Например, после изучения в 7 классе темы «Глаголы-исключения II спряжения», ученики в мини-группах получают задание создать мем, который поможет запомнить эти 11 глаголов. Результатом такой проектной работы может стать, к примеру, изображение уставшего, но гордого дракона, охраняющего сундук, с подписью: *«Гнать, держать, дышать, слышать, смотреть, видеть, ненавидеть, обидеть, терпеть, вертеть, зависеть. Да, я всё это вытерпел и охраняю, потому что я — ВАЖНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ»*. Для создания такого контента необходимо не только знать список, но и понять его логику, найти объединяющий визуальный образ и упаковать это в лаконичную, остроумную форму, что гарантирует глубокое, осмысленное усвоение материала. Подобная деятельность параллельно развивает креативность, навыки командной работы, цифровую грамотность и метапредметные компетенции проектной деятельности.

Для развития более сложных форм речевой деятельности и критического мышления особенно эффективным оказывается **метод «Мем как тема для эссе»**. Данный подход позволяет использовать свернутую семиотическую структуру мема как интеллектуальный катализатор, запускающий механизм развертывания связного аналитического высказывания. Когда учащимся предлагается написать рассуждение на основе проблемного вопроса, связанного с мемом, они вынуждены проводить многоуровневый анализ, выходящий за рамки простого описания. Например, вопрос *«Что хотел сказать автор мема “Это фиаско, братан”?»* побуждает ученика провести настоящую исследовательскую работу. Сначала необходимо провести семиотическую деконструкцию: распознать визуальный образ (часто — кадр из старого кино или сериала, где персонаж осознаёт масштаб провала) и проанализировать его взаимодействие с вербальной подписью. Затем — выявить прагматическую цель: автор не просто сообщает о неудаче, а делает это с определённой интонацией — ироническим смирением, стоическим принятием неизбежного, даже с некоторой бравадой. И наконец — экстраполировать смысл на широкий культурный контекст: мем становится универсальной формулой для реакции на любую жизненную неудачу, отражая целую жизненную философию. Написав такое эссе, ученик совершает путь от клипового восприятия смешной картинки к системному осмыслению культурного кода, развивая навыки построения аргументированного текста, абстрактного мышления и культурологической рефлексии.

Продвинутым форматом организации учебной деятельности, синтезирующим различные аспекты работы с интернет-фольклором, является **метод «Мем-квест»**. Эта педагогическая технология, построенная на принципах геймификации, превращает изучение языковых явлений в увлекательное исследовательское приключение с последовательными этапами, где каждый шаг логически вытекает из предыдущего. Например, квест, посвящённый мему на историко-литературную тему, может начинаться с этапа «Лингвистический детектив», где учащиеся, выступая в роли дешифровщиков, должны с помощью этимологических и толковых словарей раскрыть скрытые культурные аллюзии в сложной фразе. Следующий этап — «Культурный переводчик» — развивает медиаграмотность, предлагая найти межкультурные аналогии, скажем, сопоставить русский мем о прокрастинации с англоязычным «Waiting Skeleton», что наглядно показывает универсальность многих человеческих переживаний. Кульминацией часто становится творческое задание «Диалог с автором», требующее создания ответного мема или серии мемов, что невозможно без глубокого понимания прагматики исходного формата. Завершающей, рефлексивной стадией квеста является «Этический совет», где учащиеся анализируют пройденные материалы с точки зрения культуры речи и сетевого этикета, воспитывая ответственность за

собственное цифровое речевое поведение. Такой комплексный, игровой подход позволяет не фрагментарно, а целостно и системно сформировать у школьников представление об интернет-фольклоре как о сложном и многогранном лингвокультурном феномене.

Особую культурологическую и историческую ценность, позволяющую преодолеть миф о полной новизне и маргинальности цифрового фольклора, имеет **метод «Сравнение мемов разных эпох»**. Данный подход наглядно демонстрирует преемственность основных механизмов языковой игры, связывая сиюминутные цифровые форматы с длительной культурной традицией. Сопоставление современных мемов с их историческими прототипами открывает учащимся глаза на универсальность человеческого юмора и коммуникативных стратегий. Например, можно показать, как структура современного визуального мема с неожиданной панчлайн-подписью (изображение спокойного человека с подписью «Мой внутренний мир, когда я говорю “всё хорошо”») напрямую восходит к структуре классического устного анекдота с его завязкой и неожиданной развязкой. Анализ реактивных изображений, выражающих спектр эмоций от недоумения до восторга, выявляет их генетическую связь с традицией политических и бытовых карикатур XVIII–XIX веков или народных лубков, где основная смысловая нагрузка также ложилась на гиперболизированный визуальный образ, а короткий текст его прояснял. Интереснейшее поле для исследования представляет сравнение вербальных мемов-формул, вроде «Это не..., это...» («Это не прокрастинация, это тщательная подготовка к спонтанной деятельности»), с моделями частушек или пословиц, демонстрирующее универсальность готовых ритмико-синтаксических шаблонов для тиражирования смыслов. Прослеживание пути кинокавы или литературной цитаты («Я требую продолжения банкета!», «Шёл 2023-й год...») до статуса массового мема позволяет наблюдать в реальном времени процесс фольклоризации авторского текста, аналогичный рождению классических крылатых выражений из Грибоедова или Шекспира. Этот метод выполняет важнейшую мировоззренческую функцию, связывая уроки русского языка с историческим и литературным контекстом, помогая ученикам увидеть за сиюминутной цифровой формой вечные модели человеческого юмора, рефлексии и коммуникации, и тем самым значительно повышая статус изучаемого материала в их глазах.

Интернет-фольклор, будучи явлением амбивалентным по своей природе — одновременно массовым и элитарным, стереотипным и креативным, — представляет собой уникальную дидактическую площадку для формирования критического мышления у учащихся 5–8 классов, что является одной из ключевых метапредметных задач современной школы. Современный школьник ежедневно сталкивается с огромным потоком поликодовых текстов, среди которых значительное место занимают интернет-мемы. Восприятие этих текстов зачастую происходит на интуитивном, эмоциональном уровне, без глубокого анализа их структуры и имплицитных смыслов. Задача педагога — перевести это стихийное взаимодействие в плоскость осознанного лингвистического и семиотического исследования. Первым этапом на этом пути является обучение школьников деконструкции мема — выявлению его компонентного состава и механизмов смыслообразования. Так, рассматривая популярный мем с изображением человека в деловом костюме, сидящего за столом с серьёзным видом, и подписью «*Когда сделал домашку за 5 минут до урока*», важно не ограничиваться констатацией юмористического эффекта, а провести многоуровневый анализ. Учащимся предлагается ответить на серию исследовательских вопросов: каково соотношение и взаимодействие визуального и вербального компонентов? Какой прагматический эффект создаёт контраст между «официальной», взрослой внешностью персонажа и «неофициальным», детским содержанием высказывания? К какому

прецедентному феномену (прокрастинация, стресс от дедлайнов, школьная жизнь) апеллирует этот мем и почему это находит отклик? Такой анализ, основанный на принципах семиотики, подробно описанных в работах Ю.М. Лотмана, учит школьников видеть за простой смешной картинкой сложную, искусно сконструированную структуру смыслов, где каждый элемент работает на общий эффект. [5]

Важнейшим аспектом формирования критического языкового мышления через призму интернет-фольклора является развитие тонкого и точного навыка различения языковой игры и речевой ошибки. Этот навык имеет не только академическое, но и глубокое социальное значение, так как позволяет школьнику уверенно ориентироваться в сложном пространстве цифровой коммуникации, где намеренные, кодовые нарушения нормы зачастую становятся маркером групповой принадлежности, средством создания специфического юмора или инструментом языкового протеста. Для развития этого навыка крайне эффективен сравнительный анализ контрастных пар высказываний: намеренно искаженного (*«аффтэр жжот»*) и ошибочного (*«здесь будет строится дом»*). Задача учащихся — не просто механически указать на отклонение от нормы, но и определить его природу и генезис: является ли оно следствием недостаточной грамотности, невнимательности или же осознанным, мотивированным креативным актом? Для аргументированного ответа на этот вопрос учащиеся должны применить целый комплекс лингвистических знаний и аналитических процедур: определить потенциально нарушенное орфографическое или грамматическое правило, тщательно проанализировать контекст употребления (личная переписка, публичный комментарий, юмористический паблик), выявить прагматическую цель высказывания (донести информацию, пошутить, выразить принадлежность к субкультуре). Такой анализ опирается на идеи Л. В. Щербы о принципиальной важности различения «отрицательного языкового материала» (ошибок) и целенаправленной языковой игры. В процессе этой работы школьники приходят к более зрелому, современному пониманию грамотности в цифровую эпоху: это не только и не столько автоматическое умение следовать своду правил, сколько способность к осознанному, критическому выбору, понимание того, когда применение нормы уместно и необходимо, а когда её творческое, осмысленное нарушение допустимо и даже продуктивно для достижения определённых коммуникативных и экспрессивных целей. [9]

Дальнейшим, более сложным шагом в развитии критического мышления является целенаправленное обучение школьников выявлению имплицитных смыслов, скрытых культурных кодов и замаскированных манипулятивных стратегий, заложенных в интернет-фольклоре. Мемы, будучи «свёрнутыми», максимально лаконичными текстами, часто транслируют неочевидные для неискушённого потребителя ценностные установки, социальные стереотипы или предельно упрощённые, а потому искажённые модели реальности. Например, популярные мемы на тему школы могут неявно, под маской юмора, пропагандировать идею о бесполезности и бессмысленности систематического образования (*«Зачем учить математику, если в магазине есть калькулятор?»*) или формировать и закреплять циничное, отстранённое отношение к учебному процессу и интеллектуальному труду в целом. Задача современного педагога заключается не в том, чтобы запрещать обсуждение или игнорировать существование таких тем, а, напротив, в том, чтобы сделать их предметом открытого, аргументированного, непредвзятого анализа в классе. Учащимся предлагается рассмотреть подборку популярных мемов на актуальную для них тематику (учеба, отношения с родителями и учителями, дружба, внешность) и коллективно ответить на ключевые вопросы: какую именно картину реальности, какой

взгляд на мир предлагает этот мем? Какие ценности — трудолюбие или лень, сотрудничество или индивидуализм, оптимизм или скепсис, уважение к знанию или нигилизм — он продвигает и укрепляет? На чьей стороне симпатии автора и как это проявляется? И, наконец, самый важный вопрос: насколько эта предлагаемая картина соответствует вашим собственным наблюдениям, опыту и системе взглядов? Такая работа, основанная на принципах критической лингвистики и медиаобразования, учит школьников не быть пассивными ретрансляторами готовых, «упакованных» смыслов, а становиться активными, вдумчивыми интерпретаторами, способными выявлять скрытые послания, деконструировать стереотипы и формировать собственную, независимую и осмысленную позицию по отношению к потоку цифровой информации.

Особую практическую ценность для формирования иммунитета к манипуляциям представляет целенаправленная работа с мемами, которые используют те или иные приёмы логической или риторической манипуляции: ложную дихотомию, навешивание ярлыков, подмену понятий, апелляцию к стереотипам. Разбор таких примеров позволяет напрямую и продуктивно связать уроки русского языка с основами риторики и логики, показав их практическую, жизненную значимость. Например, мем, предлагающий упрощённый, искусственно полярный выбор в сложной, многогранной ситуации (изображение двух радикально разных кнопок: *«Стать отличником и быть ботаником-одиночкой»* / *«Быть двоечником и иметь кучу верных друзей»*), становится превосходным наглядным материалом для анализа классической логической ошибки «ложной дилеммы». Учащиеся на конкретном, близком им примере учатся видеть, что язык и визуальный ряд могут использоваться не только для нейтральной передачи информации или для юмора, но и для манипуляции сознанием, для навязывания упрощённой, искажённой картины мира, где не остаётся места для сложных, компромиссных, индивидуальных решений. Они тренируются в деконструкции таких риторических приёмов и в самостоятельном поиске более адекватных, не бинарных, многовариантных способов описания реальных жизненных ситуаций.

Кульминацией систематической работы по формированию критического языкового мышления можно по праву считать комплексные проектные задания, в которых учащиеся из пассивных объектов обучения сами превращаются в активных исследователей и сознательных создателей «ответственного» цифрового контента. После цикла занятий, посвящённых различным аспектам анализа интернет-фольклора, им предлагается разработать и реализовать собственный социально ориентированный мини-проект. Это может быть, например, создание серии просветительских мемов, наглядно разоблачающих наиболее распространённые языковые или логические ошибки («Мемы против языковой лени»), или, напротив, серии мемов, продвигающих позитивные ценности — грамотность, уважение к родному языку, критическое и вдумчивое отношение к информации («Грамматика в стиле digital», «Читаем между пикселей»). В процессе работы над таким проектом учащиеся в мини-группах проходят все ключевые этапы полноценной исследовательской и творческой деятельности: от формулирования проблемы и анализа целевой аудитории, через поиск и отбор информации, разработку концепции и создание контента, до его презентации и рефлексии над результатами. Этот вид работы обладает мощным синергетическим эффектом: он не только в интерактивной форме закрепляет предметные знания по лингвистике, но и формирует активную гражданскую позицию, чувство личной ответственности за ту языковую и коммуникативную среду, которую они сами ежедневно создают и поддерживают в цифровом пространстве. Ученик начинает осознавать себя не винтиком в системе, а субъектом, способным влиять на качество дискурса.

Таким образом, систематическая, методически выверенная работа с интернет-фольклором на уроках русского языка в 5–8 классах позволяет вывести формирование ключевых компетенций — от предметной грамотности до критического мышления — из области благих деклараций в практическую плоскость ежедневной, увлекательной для ученика учебной деятельности. Анализируя, деконструируя, оценивая и, наконец, создавая мемы, школьники учатся видеть за внешней, часто примитивной формой — глубокое содержание, за безобидным смехом — скрытую идеологию, за кажущейся простотой — сложную работу языковых и культурных механизмов. Они осваивают русский язык не как набор застывших, оторванных от жизни догм, а как живой, динамичный, мощный и гибкий инструмент познания мира, коммуникации с другими и, что крайне важно в современном медийном ландшафте, защиты от манипуляций и смысловых подмен.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что интеграция интернет-фольклора в преподавание русского языка представляет собой не тактическую уступку моде или упрощение программы, а, напротив, её усложнение и обогащение в соответствии с вызовами времени. Это стратегический мост между двумя мирами, который педагог помогает построить своим ученикам. С одной стороны этого моста — непреходящее богатство и глубина тысячелетней языковой традиции, культурный канон, отточенная норма. С другой — стремительный, ироничный, демократичный и многоголосый цифровой век с его новыми форматами, скоростью и эстетикой. Умение свободно, уверенно и осмысленно перемещаться между этими берегами, не теряя связи ни с одним из них, извлекая пользу и из классического наследия, и из современной креативной стихии, и есть важнейшая компетенция человека XXI века, для которого язык во всём его многообразии остаётся главным инструментом мысли, творчества, самовыражения и связи с другими. Предложенная методика нацелена на формирование именно такой гармоничной, рефлексивной и критически мыслящей языковой личности, способной к диалогу как с классической культурой, так и с вызовами современной цифровой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. — М.: АСТ, 2020. — 512 с.
2. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. — М.: АСТ: Corpus, 2019. — 480 с.
3. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 84-92.
4. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 216 с.
5. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
6. Омарова, Л. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2018. — № 2. — С. 45-52.
7. Писаренко, Ю.Г. Креолизованный текст в цифровой коммуникации: лингвопрагматический аспект // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 110-125
8. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. — 688 с.
9. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. — М.: УРСС, 2004. — 432 с.

Поступила в редакцию 23.11.2025

V. I. Tokhtarova

THE METHODOLOGY OF INCLUDING INTERNET FOLKLORE IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING: LANGUAGE PLAY AND MEMES AS A REFLECTION OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW (USING THE EXAMPLE OF STUDENTS IN GRADES 5-8)

The spread of Internet communication has led to the active integration of Internet folklore elements into the everyday speech practice of teenagers. These phenomena are of significant interest to linguodidactics, as their

verbal component reflects current processes in the field of vocabulary, grammar, and stylistics of the modern Russian language. The article substantiates the methodology for integrating Internet folklore into the Russian language teaching process in secondary schools. The use of memes and examples of language play allows students in grades 5-8 to update their knowledge, develop their skills in linguistic analysis, and critically evaluate texts. A proposed approach that includes creative tasks for creating.

Key words: *teaching methods of the Russian language, Internet folklore, linguistic creativity, language game, Internet memes, linguistic worldview, linguistic competence, digital didactics.*

Тохтарова Виктория Ивановна.

Донецкий государственный университет,

г. Донецк, РФ.

Магистрант.

E-mail: tohtarovaviktoria@mail.ru

Tokhtarova Victoria Ivanovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Undegraduat student.

E-mail: tohtarovaviktoria@mail.ru

Стебунова Алла Николаевна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет,

г. Донецк, РФ

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: an.stebunova@mail.ru

Stebunova Alla Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Associate Professor of the Department of Russian Language.

E-mail: an.stebunova@mail.ru

УДК 372.4

DOI: 10.5281/zenodo.18071384

К. А. Худякова © 2025

Д. В. Чишко © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — ст. преподаватель Т. П. Плахтий)*

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ОСОЗНАННОГО ЧТЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются средства и формы театрализации образовательного процесса в начальной школе с целью литературного развития учащихся и формирования у них навыков осознанного чтения. Авторами статьи выявлено, что на занятиях с элементами театрализации младшие школьники тренируют и развивают память, мышление, воображение. Также у обучающихся совершенствуются творческие способности, обогащается словарный запас и расширяется повседневный лексикон. В ходе исследования определены роль и значение театрализации как педагогической технологии творческого сотрудничества учащихся в условиях образовательного пространства начальной школы.

Ключевые слова: *театрализация, осознанное чтение, литературное развитие, младший школьник, творческое сотрудничество.*

Применение театрализации в педагогическом процессе изучал А. С. Макаренко. Сравнивая театральное искусство и образовательный процесс, известный педагог отмечал: «...в театре мы получаем эстетическое наслаждение от игры актера, а в педагогике тот же живой организм, но не играющий, а воспитывающий» [6, с. 245]. В своем труде «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко выделял три способа организации театрализованной деятельности детей. Первый способ связан с самим восприятием искусства театра, его спецификой и эмоциональным отношением детей к театральному искусству. Педагог предлагал просмотр театрализованных представлений, беседы с артистами театра, обсуждение театральной постановки

совместно с учителем для выявления связи спектакля и изучаемого литературного произведения. Второй способ был направлен на формирование практических умений. Тут педагогу нужно использовать ряд упражнений, которые способствуют развитию эмоциональной деятельности детей, восприятие жестов и мимики, осмысление их влияния на речь и вид персонажа. Третий способ привлечения детей к театрализованной деятельности — это самостоятельная театрализованная деятельность обучающихся. Это может быть полная постановка пьесы или инсценированные короткие эпизоды узнаваемых знаменитых сказок или произведений, создание самодельных реквизитов, идею изготовления костюмов и простых декораций для постановок пьес [6, с. 245].

Ян Амос Коменский в своих трудах писал, что театрализация — это эффективное средство обучения и воспитания. Стремясь оживить преподавание и пробудить в детях интерес к знаниям, педагог применил метод драматизации учебного материала. В своей книге «Пансофическая школа» великий педагог отмечал: «...драматические представления важны тем, что они: развивают остроту ума; содействуют развитию памяти и улучшению заучивания стихов; развивают мимику пластику, владение голосовым аппаратом; выявляют скрытые таланты и устраняют застенчивость ребенка» [5, с. 122]. Я. А. Коменский разработал принципы школьного театра и создал такие драматические тексты, которые помогали детям с лёгкостью выполнить любую роль в жизни, вести себя непринуждённо в разнообразных жизненных ситуациях. Свои тексты педагог собрал в труде «Школа-игра», написанном в 1656 году. Данная книга включала драматизацию его труда «Открытая дверь языков» 1629–1631 гг. и предназначалась для организации театральных постановок в школьном пространстве. В основе метода Я. А. Коменского — игровая деятельность, которая по мнению педагога побуждала интерес детей к познавательной работе.

В двадцать первом веке педагоги и ученые активно занимаются разработкой программ и методик на базах ТРИЗ (теория решения изобретательских задач). ТРИЗ в педагогике — это целостная педагогическая система, ведущая задача которой, обучение творческой личности, которая способна находить самые нестандартные решения проблемы в различных областях жизни. По мнению Н. Е. Щербаковой и Н. Т. Левиной «ТРИЗ-технологии успешно применяются в работе с младшими школьниками. Занятия по данной технологии помогают развивать у обучающихся в начальной школе навыки творческого мышления, способствуют формированию творческих способностей, навыков логического анализа и поиска нестандартных решений для самых стандартных задач» [15, с. 106].

Использование ТРИЗ позволяет повысить познавательную активность детей, вызвать интерес к заданной теме, желание участвовать в дальнейших событиях, расширить социальную коммуникабельность со сверстниками, убрать психологическую скованность. В качестве приемов, применяемых в ТРИЗ, педагоги могут использовать следующие виды театрализованной деятельности: «салат из сказок» — дети перевоплощаются в героев различных произведений и должны взаимодействовать друг с другом; участие в инсценировках народных сказок; построение отдельных эпизодов фольклорного или литературного произведения.

Т. В. Рыжкова рассматривала театрализацию как одну из форм организации работы и взаимодействия учитель с обучающимися. В своих работах педагог выделяет в театрализации такие главные элементы как актерская и режиссерская деятельность, и методика инсценирования. Причем режиссерами и актерами выступают сами обучающиеся. Т. В. Рыжкова предлагает, чтобы каждый ребенок в течении учебного года смог попробовать себя в двух ролях: «Работа в качестве актеров помогает школьникам понять, что чувствует персонаж в той или иной ситуации, мотивы и цели

его поступков, разгадать в произведении то, о чем автор порой не говорит. Режиссерская работа заставляет проанализировать все детали и взаимодействия в эпизоде, определить его место в целом произведении, объяснить поведение действующих лиц» [10, с. 125].

Если организовать беседу после инсценировки произведения, то дети, исполнявшие роли актеров или режиссера поделятся своими мыслями о произведении, о сценарии, о характере персонажей, об игре отдельных актёров. Таким образом, дети углубятся в содержание изучаемого произведения. Т. В. Рыжкова обращала внимание на то, что «...театрализованные приемы обучения в педагогике обладают большим потенциалом более тесного сотрудничества не только с детьми, но и с их родителями, и тем самым вовлекает их в процесс воспитания детей» [10, с. 128].

Включение средств театрализации в учебном процессе также рассматривала и Александра Петровна Ершова — российский театральный педагог-режиссёр, кандидат педагогических наук. Одна из создателей и разработчиков социо-игровой педагогической технологии. А. П. Ершова указывала на то, что «театрализация, как вид искусства, явление особое, выходящее за рамки привычного быта» [4, с. 48]. По мнению педагога, использование элементов театра в начальной школе позволяет учителю развивать эстетическое восприятие и улучшать культурное воспитание обучающихся. Основой театрализованной деятельности детей является образность реальная и художественная, которая позволяет отобрать средства художественной выразительности и выстроить сценарную логику произведения. Данные аспекты формируют игровую деятельность, что способствует легкому усваиванию материала у обучающихся. Педагог предлагает использовать театрализацию как деловую игру на уроках литературного чтения. Это может быть оформление пространства сцены, изготовление элементов костюма героя, подготовка реквизита, подготовка к выступлению и участию в постановке самих учеников. По мнению А. П. Ершовой, «...театрализация как жанр охватывает разнообразные художественные аспекты, начиная от выбора репертуара и образов героев и заканчивая возможными декорациями и реквизитом» [3, с. 22]. И если А. П. Ершова театрализацию называет жанром в контексте театрального искусства, то в контексте педагогической деятельности театрализация является, по нашему мнению, эффективной технологией привития младшим школьникам любви к художественному произведению и способом формирования навыков осознанного чтения.

Малышева Ольга Константиновна и Жесткова Елена Александровна утверждают, что «...театрализованная игра, элементы театрализации являются гармоничным сочетанием театрального искусства (условность атрибутов, особенности произношения речей) с педагогическим процессом по своим целям и принципам построения (коллективность, распределение ролей, необходимость педагогического руководства)» [7, с. 471]. Исследователи в своей работе выделяли следующие методы театрализованной деятельности: персонификацию, ролевое прочтение текста, ролевую игру «кто я», историческую сценку, сценически-игровые упражнения и драматизацию. Под методом персонификации подразумевается «перевоплощение» учителя в персонажа произведения или автора. Таким образом, педагог привлекает внимание к герою произведения или биографии автора. А в дидактической игре «Кто я?», ученикам загадывается персонаж произведения, которые дети изучают на уроке. Ученик должен наводящими вопросами отгадать того героя произведения, которого ему загадали одноклассники. Такой способ, по мнению О. К. Малышевой и Е. А. Жестковой, помогает досконально изучить характеристику героев.

В работе педагогов, есть еще один важный этап театрализации — оформительская работа. Она включает себя создание и подготовку костюмов,

продумывание образа героя и музыкальное оформления произведения. Эти все действия развивают личность ребенка с разных сторон и показывают детям, что за одним грандиозным событием, в данном случае постановкой театрализованного представления, стоит огромный ряд действий.

За последние несколько лет театрализацию как образовательную технологию стали изучать и использовать в своей практике все больше учителей начальной школы. Т. А. Шергина и М. М. Попов в своей статье «Театрализация на уроках литературы как средство развития творческих способностей у младших школьников» [13] утверждали, что одна из главных задач учителя литературы — творческое воспитание обучающихся. По их мнению, «Основную роль в осуществлении целенаправленного общекультурного и художественного воздействия на личность учащегося сегодня играет искусство, в том числе, искусство театра. В школе на сегодняшний день значительное внимание уделяется театрально-творческому развитию учащихся. Особое значение в этом процессе имеют уроки литературы» [13, с. 281].

Таким образом, главная роль средств театрализации, как элемента театра в школе — это развитие личности ребенка, его внутренней культуры и поведения, что в свою очередь является элементами литературного развития младшего школьника. Отличительной чертой технологии театрализации на уроках литературного чтения является сотрудничество и сотворчество учителя и обучающихся, ученика и героя его произведения, актера и режиссера. Мы разделяем мнение Т. А. Шергиной [13, 14] о том, что «...средства театрализации призваны развивать высшие психические функции школьников, совершенствовать навыки анализа литературных произведений», поскольку на уроках чтения вводятся заранее подготовленные приемы: перед учителем и учениками ставятся сложные задачи определение сценария, подготовка реквизита, репетиции ролей» [13, с. 302].

Ученики начальной школы, благодаря средствам театрализации, имеют возможность выразить свои накопленные эмоции в процессе участия в разнообразных психологических тренингах, театрализованных играх. Такие игры направлены на то, чтобы дети могли побыть в роли животных, взрослых, разнообразных героев уже изученных произведений. Сами сценарии игр усложняются с моментами взросления участников, то есть, педагог начинает работу с инсценировок фольклорных сказок и заканчивает более сложными драматизациями отрывков литературных произведений, которые изучаются в начальной школе на уроках литературного чтения.

По мнению психолога О. Е. Озеровой, «...театрализованная деятельность является одной из важных и доступных видов деятельности для младших школьников, в ходе которой происходит знакомство детей с миром прекрасного, активизируется мышление и воображение, также она способствует социализации» [9, с. 52]. В своем труде педагог предлагает разнообразные психологические тренинги, упражнения задания и мини этюды, которые влияют на воображение и мышление младших школьников. Так в игре «Закончи предложение» учитель читает предложение «Красная Шапочка вместе с бабушкой решили пойти гулять в...», а дети продолжают предложение, каждый ученик предлагает свой вариант. Данный тренинг положительно влияет на развитие личности ребенка. Активизируется и процесс мышления: чтобы придумать логическое окончание предложению, ученик развивает воображение, так как рассматривает различные ситуации, куда могли пойти герои сказки в действительности.

Одним из самых распространённых средств театрализации на уроке литературного чтения является инсценирование. А. И. Морозова писала об инсценировании на уроках следующее: «одним из методических («творческих») приемов работы на уроке является прием инсценирования, который целесообразно применять при работе над литературными сказками — небольшим по объему

произведениями, сочетающие в себе событие и впечатление. Данный прием помогает детям более доступно получить необходимую информации и получить эмоциональный настрой» [8, с. 310]. Инсценирование может состоять из пяти этапов (подготовительный, исполнительский анализ, репетиционный этап, презентация нового проекта, рефлексия.) Мы можем сделать вывод, что процесс инсценирования является многогранным этапом и будет основан на совместной работе учителя и младшего школьника. А. И. Морозова, утверждала, что «Использование приема инсценирования на занятиях — это важный аспект для реализации меежпредметной связи, которая активизирует формирование правильного мировоззрения ученика, способствует его эстетическому развитию» [8, с. 314]. Такой подход очень нравится детям, ведь основа инсценирования — это игра, что является основной деятельностью младшего школьника. Привлекая детей к такой деятельности, педагоги формируют позитивное отношение к окружающему миру, создают базу эмоциональных, физических и словесных действий.

О. В. Стираж в своей диссертации «Театрализация как средство формирования воспитывающей детско-взрослой общности в школе» [12] рассматривала роль театрализации в вопросах воспитания личности и ее взаимодействия в коллективе. Педагог выделила такие формы учебной работы как инсценировка, конкурс чтецов, посещение театра с последующей рефлексией. В своем исследовании О.В. Стираж дала следующее определение понятия «театрализация»: «использование средств театра в воспитательном процессе, организацию совместной деятельности детей и взрослых на основе прочтения и инсценировки литературного произведения, создание условий для эмоционального проживания текста участниками, выхода на общие ценности и смыслы» [12, с. 43]. Таким образом, сам поставленный спектакль не выступает в роли конечного продукта средств театрализации, а является вспомогательным средством для достижения цели. Цель театрализованной постановки — литературное развитие учащихся и объединение не только коллектива детей, но и детей с их родителями. Также педагог выделяла понятие «театрализация текста»: «театрализовать событие или текст — значит, интерпретировать его сценически, с использованием сцены и актеров для того, чтобы представить ситуацию. Визуальный элемент сцены и постановка дискурсов (сценической речи) — суть признаков театрализации» [12, с. 43].

Для литературного развития и сплочения коллектива О. В. Стираж предлагала использовать театральный проект. Педагог отметила следующее: «Как показывает практика, наиболее эффективной формой является театральный проект по постановке изучаемого драматического произведения всеми учащимися параллели на всех этапах: распределение обязанностей, создание сценария, декораций, костюмов, работа над музыкальным и световым сопровождением, выбор режиссёров и актёров в каждом театральном коллективе-классе, репетиционный процесс, создание афиш и приглашений, собственно спектакль и рефлексия после него» [12, с. 15–16]. Такая форма может подключать к деятельности как можно больше участников, тем самым развивая личность каждого участника проекта, повышает литературное развитие класса, объединяет коллектив и показывает, что вся работа является важной. Участники коллектива могут не только просмотреть процесс работы над инсценировкой произведения, но и поучаствовать в разнообразных этапах создания представления. Важный этап в работе — это рефлексия, когда участники делают самоанализ своей работы, а после и коллектива в целом.

М. В. Ерома в своей диссертации «Управление проектной деятельностью в сфере социального партнерства школы и театра» [2] отмечала необходимость образования театров при школе, создания театральных фестивалей. Один из ярких и известных фестивалей — театральный фестиваль «Школьная классика», который

создан для привлечения школьников к литературе средствами театрализованной педагогики. О самом театре, как элементе образования и воспитания в школе, М. В. Ерома говорила следующее: «Театр как школа жизни, как способ передачи информации о мире, о месте человека в нем, дает повод для работы не только мыслей, но и чувств зрителей, формирует их способность к рефлексии, без чего невозможно усвоение эмоционального, нравственного опыта» [2, с. 3]. Таким образом, можем сделать вывод, что театр является сильным и действенным вспомогательным методом воспитания личности школьника, развивая при этом коммуникацию, рефлексивность и нравственность обучающегося в школе. М. В. Ерома обратила внимание на то, что «Учебный театральный фестиваль является эффективной формой организации совместного проекта школы и театра, способствующей расширению эмоционального и жизненного опыта школьников, формированию навыков проведения творческих дискуссий, повышению мотивации к расширению художественного кругозора, пониманию и уважению духовно-нравственных ценностей художественной культуры» [2, с. 9]. Таким образом, можем сделать вывод о том, что включение средств театра в школьное пространство и использование театрализованных фестивалей обогащает образовательный процесс. Школа получает возможность реализовать труды и творческие успехи обучающихся, театр в это время получает верных зрителей и друзей, которые могут вести культурные диалоги.

Н. А. Дроздов в своей диссертации «Социальное партнерство школы и детского театра (на материале работы Ленинградского ТЮЗа им. А. А. Брянцева)» [1] рассматривает не только результаты взаимодействия ТЮЗа и школы, но и исторический аспект этого творческого партнерства. О первых взаимодействиях театра и школы педагог писал следующее: «Социальное партнерство школы и детского театра реализовывалось в советский исторический период в системе трех элементов: государство-театр-школа» [1, с. 11]. В двадцатом веке социальное партнерство театра юного зрителя и школы обрело новые сферы и этапы сотрудничества: «Новые формы организации самоуправления школьников в театре реализовывались в рамках взаимодействия трех сторон: педагогов, учащихся и родителей при значительной организационной роли коллектива театра (Делегатское собрание, клуб «Искусство» и др.)» [1, с. 11]. То есть, в современном образовательном пространстве главные партнеры сами театр и школа, без посредников в виде государства и его политики. Социальное сотрудничество, по мнению Н. А. Дроздова, влияет на ряд факторов развития личности, к примеру «усвоение знаний через живые и яркие образы спектакля, когда интеллект, чувства, воображение вовлечены в процессе просмотра драматического произведения. Во время просмотра спектаклей у зрителя происходит активное переживание своего «я» и «я» художественных героев спектаклей» [1, с. 21]. Ученый утверждает, что при просмотре спектакля по мотивам произведения у детей не только формируется читательский интерес и происходит их литературное развитие, но театр еще и формирует внутренний мир ребенка. Ученик сам учится обдумывать свои действия и поступки.

Анализ работ, посвященных темам «литературное развитие младших школьников» и «театрализация в педагогическом процессе», позволяет сделать вывод о том, что эти два процесса являются взаимосвязанными, они дополняют друг друга, у них есть общие цели и задачи. Литературное развитие обучающихся начальной школы является важнейшим этапом формирования личности ребенка, его культуры поведения, развития речи, повышения кругозора ребенка, усиления читательского интереса. Этому всемо помогают средства театрализованной деятельности, которые используются в педагогическом процессе. На сегодняшний момент все больше и больше преподавателей с помощью средств театрализации на своих уроках привлекают детей к

теме урока и учебной дисциплине в целом. Преподавателям начальной школы следует внедрять элементы театрализованной деятельности в свои уроки как для развития обучающегося, так и для совершенствования своих педагогических навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздов, Н.А. Социальное партнерство школы и детского театра (на материале работы Ленинградского ТЮЗа им. А.А. Брянцева): автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01/ Н.А. Дроздов; Росс. госуд. пед. ун-т им. А. И. Герцена — Санкт-Петербург, 2022. — 24 с.
2. Ерома, М.В. Управление проектной деятельностью в сфере социального партнерства школы и театра: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1 / М.В. Ерома; Росс. госуд. пед. ун-т им. А. И. Герцена — Санкт-Петербург, 2024. — 22 с.
3. Ершова, А.П. Режиссура урока и поведение учителя: пособие для учителя. / А.П. Ершова, В.М. Букатов — Москва: «Образовательные проекты», 2021. — 408 с.
4. Ершова, А.П. Уроки театра на уроках в школе. / А.П. Ершова. — Москва: АО «Аспект Пресс». 2002. — 53 с.
5. Коменский, Я.А. Пансофическая школа / Я.А. Коменский // Учитель учителей. Избранное — Москва: «Карпуз», 2008. — С. 109-130.
6. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма. Полная версия/ А.С. Макаренко — «Питер», 2023 год. — 768 с.
7. Малышева, О.К., Жесткова Е.А. Элементы театрализации на уроках литературного чтения в начальной школе / О.К. Малышева, Е. А. Жесткова // Молодой ученый, 2015. — №18. — С. 471-474.
8. Морозова, А.И. Литературное развитие младших школьников средствами инсценирования сказок / А.И. Морозова // Инновационные аспекты развития науки и техники, 2021. — С. 305-315.
9. Озерова, О. Е. Развитие творческого мышления и воображения у детей: игры и упражнения / О. Е. Озерова. — Ростов н/Д: Феникс, 2015. — 104 с.
10. Рыжкова, Т. В. Литературное развитие младших школьников / Т.В. Рыжкова: Учеб. Пособие — СПб., 2008. — 408 с.
11. Рыжкова, Т.В. Теоретические основы и технологии начального литературного образования: учебник для студентов высш. учеб. заведений / Т.В. Рыжков — Москва: «Академия», 2007. — 416 с. (2)
12. Стираж, О.Е. Театрализация как средство формирования воспитывающей детско-взрослой общности в школе: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1 / О.Е. Стираж; Институт стратегии развития образования Российской академии образования — Москва, 2022. — 166 с.
13. Шергина, Т.А. Использование приемов театрализации для развития творческих способностей у младших школьников / Т.А. Шергина, М.М. Попов // Проблемы современного педагогического образования, 2021. — 72/1. — С. 301-30.
14. Шергина, Т.А. Театрализация на уроках литературы как средство развития творческих способностей у младших школьников / Т.А. Шергина, М.М. Попов // Проблемы современного педагогического образования, 2020. — 68-4. — С. 280-283.
15. Щербакова, Н.Е. ТРИЗ как средство развития творческих способностей детей младшего школьного возраста. / Н.Е. Щербакова Т.Н. Левина // Современные образовательные практики в студенческих исследованиях, 2023. — С. 104-108.

Поступила в редакцию 19.11.2025 г.

К. А. Khudyakova, D. V. Chishko

FORMATION OF CONSCIOUS READING SKILLS IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS THROUGH THEATRICALIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS

The article discusses the means and forms of theatricalization of the educational process in primary school with the aim of literary development of students and the formation of their skills of conscious reading. The authors of the article have found out that in classes with elements of theatricalization, primary school students train and develop their memory, thinking, and imagination. Also, students improve their creative abilities, enrich their vocabulary, and expand their everyday lexicon. The study identified the role and significance of theatricalization as a pedagogical technology of students' creative cooperation in the educational environment of primary school.

Keywords: *theatricalization, conscious reading, literary development, primary school students, creative cooperation.*

Худякова Карина Анатольевна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: khudyakova.karinka@mail.ru

Чишко Дарина Вадимовна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: darinacisko@gmail.com

Плахтий Татьяна Петровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Старший преподаватель кафедры дошкольного и
начального педагогического образования.
E-mail: plachtijt@mail.ru

Khudyakova Karina Anatolyevna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: khudyakova.karinka@mail.ru

Chishko Darina Vadimovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Student.
E-mail: darinacisko@gmail.com

Plakhtiy Tatyana Petrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Senior Lecturer of the Department of Preschool
and Primary Pedagogical Education.
E-mail: plachtijt@mail.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.18071406

К. Д. Чернышова © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук М. Н. Панчехина)*

«ТОСКА» В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕХОВА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

В статье рассматривается лингвокультурема «тоска» как ключевой элемент языковой картины мира А. П. Чехова. На материале рассказов писателя анализируются семантические, культурные и прагматические особенности репрезентации данной лингвокультуремы. Доказывается, что тоска в чеховском дискурсе выступает не только как эмоциональное состояние персонажей, но и как культурно обусловленный компонент, отражающий специфику русской ментальности, экзистенциальные поиски личности и кризис ценностных ориентиров конца XIX века. Исследование опирается на положения лингвокультурологии и концепцию лингвокультурологического поля, предложенную и разработанную В. В. Воробьевым. Предполагается, что лингвокультурема «тоска» является ядром лингвокультурологического поля в художественном мире писателя.

Ключевые слова: лингвокультурема, тоска, языковая картина мира, А. П. Чехов, эмотивная лексика, русская культура.

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению взаимосвязи языка и культуры, что обусловило активное развитие лингвокультурологии как междисциплинарного направления. Одной из центральных единиц данного научного подхода является лингвокультурема — языковая единица, в которой интегрируются лексическое значение и культурный смысл, закрепленный в национальном сознании.

В русской языковой картине мира особое место занимают эмотивные лингвокультуремы, отражающие специфику национального мировосприятия. К числу таких единиц относится лингвокультурема «тоска», обладающая высокой степенью семантической и культурной насыщенности. В отличие от своих приблизительных эквивалентов в других языках, русская «тоска» охватывает широкий спектр переживаний — от смутной грусти до экзистенциального томления и духовного кризиса.

Творчество А. П. Чехова представляет собой уникальный материал для анализа данной лингвокультуремы. Чеховская проза отличается глубинным психологизмом, вниманием к внутреннему миру человека и тонкой передачей эмоциональных состояний. Именно тоска становится одним из доминирующих мотивов в произведениях писателя, отражая как индивидуальные переживания героев, так и общее состояние эпохи.

Цель данной статьи — рассмотреть особенности репрезентации лингвокультуремы «тоска» в произведениях А. П. Чехова в лингвокультурном аспекте.

Понятие лингвокультуремы было введено В. В. Воробьевым для обозначения единицы анализа, объединяющей языковую форму и культурное содержание. Лингвокультурема представляет собой основную единицу лингвокультурологического анализа. «Лингвокультурема вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление («форму мысли»), так и тесно и неразрывно связанную с ним

«внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалию), — устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны», — отмечает автор данного понятия. [2, с. 45]

В отличие от слова лингвокультурема имеет более сложную и глубокую структуру: план содержания в ней разделяется на языковое значение и культурный смысл. Языковое значение отражает семантическое содержание слова, его лексические и грамматические особенности, а также синтаксическую функцию в предложении. Культурный смысл, в свою очередь, связан с тем, как данное слово воспринимается и используется в конкретной культуре, какие ассоциации и эмоции оно вызывает у носителей этой культуры.

Лингвокультуремы имеют несколько признаков:

1) выражают имя поля («красота», «соборность», «русская национальная личность» и т. д.);

2) имеют определенную структуру (от лексемы (маниловщина, обломовщина, хлестаковщина) до целого текста (рассказ А.Н. Толстого «Русский характер»);

3) объединяются и дифференцируются по характеру источников (народное поэтическое творчество, памятники истории и общественной мысли, литературные произведения, выдающиеся личности, мысли и суждения о нации и культуре в сопоставлении с другими).

Понятие лингвокультуремы тесно связано с понятием «культурная коннотация». *Культурная коннотация* представляет собой специфическое дополнительное значение слова, которое обеспечивает глубокую связь между языком и культурой, являясь своего рода «культурной памятью» данного слова. Культурно-коннотативные слова обладают дополнительными значениями, основанными на культурно-исторических ассоциациях, которые характерны именно для определенной культуры. Эти слова обычно несут в себе нейтральные значения, однако для носителя языка они могут быть заряжены эмоциональными и эстетическими ассоциациями. Под культурной коннотацией подразумевается культурно-национальный смысл языковой единицы или социальная, эмоциональная и образная значимость языкового знака для определенной лингвокультурной общности. Коннотации представляют собой постоянные компоненты значения слова, которые формируются на основе национально-культурного восприятия мира. В структуру коннотата исследователи включают эмоциональность (любовь, страх, радость, презрение, унижение). Специализированные средства выражения эмотивности — междометия и квазiemeждометия (например, бранная лексика).

Таким образом, культурная коннотация не только обогащает словарный запас языка, но и служит важным инструментом для понимания менталитета народа. Она помогает осознать, как определенные слова и выражения несут в себе культурные смыслы и эмоции, что особенно ярко проявляется в лексике, связанной с ключевыми концептами данной культуры.

В контексте настоящего исследования необходимо рассмотреть лингвокультурему «тоска», которая является главным языковым средством вербализации одного из центральных концептов русской лингвокультуры. Этот концепт привлекает внимание исследователей, которые совместными усилиями изучили его семантическую структуру и богатые коннотации, что позволяет глубже понять, как «тоска» отражает уникальные черты русского менталитета и восприятия мира.

В частности, для А. Вежбицкой в концепте «тоска» главный смысл — это «смутное желание чего-то недостижимого» [1, с. 266]. По утверждению А. Д. Шмелева, «в разных случаях на первый план может выходить любой из компонентов значения

этого слова: желание чего-то, отсутствие точного понимания того, в чем состоит желаемое, недостижимость желаемого и связанное с нею чувство, причем важно, что субъект чувствует нечто плохое» [5, с. 350]. М. Ш. Мусатаева и И. В. Котлярова исследовали этот концепт и предложили следующее определение: «Тоска — это состояние тревоги и беспокойства, душевного дискомфорта, связанное с реальной жизнью или мечтами о вечности, а также чувство удушья, которое иногда может привести к смерти» [4, с. 111]. Е. В. Димитрова подчеркивает, что этот концепт охватывает широкий спектр эмоциональных нюансов, таких как «томление, грусть, печаль, скука, уныние, хандра, тревога, тоска по Родине, сожаление о потерянном, стремление к несбывшемуся, а также тоска по любимым и близким людям» [3, с. 270].

Как видно из дефиниции, тоска определяется через близкие по смыслу негативные душевные состояния, в принципе допуская определение одного при помощи другого. Такая размытость наблюдается на «понятийном» уровне концепта «тоска» по отношению к синонимам (скука, уныние, томление, горе, печаль).

В русском национальном сознании тоска воспринимается как пограничное состояние, в котором сочетаются страдание и потенциальная духовная рефлексия. В отличие от скуки или уныния, тоска может обладать «возвышенным» характером, становясь источником философского осмысления бытия. Именно эта особенность позволяет рассматривать тоску как культурно значимую категорию, отражающую склонность русской ментальности к интроспекции и созерцанию.

Особое место в художественной реализации лингвоконцепта «тоска» занимает творчество А. П. Чехова. Его произведения изобилуют персонажами, испытывающими тоску в самых разных формах — от бытовой усталости и душевного смятения до философского отчаяния. В контексте чеховской прозы и драматургии «тоска» предстает как маркер внутреннего мира героя, индикатор неудовлетворенности жизнью, симптом экзистенциального кризиса.

В произведениях А. П. Чехова лингвокультурема «тоска» образует сложное лингвокультурологическое поле. Анализ текстов позволяет выделить несколько основных типов тоски, характерных для чеховского художественного мира:

1. Экзистенциальная тоска

Такой тип тоски чаще всего проявляется у персонажей, ощущающих бессмысленность своего существования, потерю жизненных ориентиров, невозможность реализовать свои мечты и потенциал. Наиболее ярко экзистенциальная тоска представлена в рассказе «Тоска». Главный герой, извозчик Иона Потапов, переживает смерть сына и испытывает острую потребность в сочувствии. Его тоска — это не просто личное горе, а символ духовной изоляции человека в равнодушном мире: *«Тоска смертная точит... Душа просит слова, а не с кем говорить...»*. Здесь тоска выступает как разрушительное, всепоглощающее чувство, подчеркивающее трагедию человеческого одиночества. Чехов показывает невозможность коммуникации как одну из ключевых причин экзистенциального страдания.

2. Бытовая и социальная тоска

В ряде произведений тоска обусловлена однообразием и бессмысленностью повседневного существования. Этот тип тоски связан с рутинной, однообразием жизни, отсутствием ярких событий. В рассказе «Человек в футляре» Беликов становится носителем особого типа тоски — замкнутой, застойной, распространяющейся на окружающих: *«Он тоску навесил на весь город...»*. Здесь тоска приобретает коллективный характер, превращаясь в атмосферу, в которой угасает жизненная энергия и подавляется личная свобода.

3. Тоска утраченных идеалов

В рассказе «Ионыч» тоска связана с постепенной духовной деградацией героя. Потеря мечты, утрата смысла жизни приводят к внутренней пустоте: *«Все прошло, и стало как-то скучно и тоскливо...»*. Чеховская тоска в данном случае становится следствием отказа от внутреннего развития и нравственного выбора.

Стоит также упомянуть, что для передачи состояния тоски Чехов использует широкий спектр языковых средств. На лексическом уровне это эпитеты (*глухая, смертная, тягостная тоска*), на синтаксическом — повторы и параллельные конструкции, усиливающие ощущение безысходности. Часто тоска олицетворяется, приобретая свойства живого существа: *«тоска точит»*, *«тоска навеивает»*.

Эти стилистические средства делают чеховскую прозу максимально выразительной, они передают не только смысл, но и интонацию чувства — тихую, гнетущую, разъедающую.

Тоска в произведениях А.П. Чехова выполняет целый **ряд функций**:

- психологическая: раскрытие внутреннего мира героя;
- семантическая: маркер эмоционального состояния;
- экзистенциальная: показатель кризиса личности;
- социальная: проявление отчуждения и одиночества;
- эстетическая: компонент общей атмосферы и художественного стиля.

Благодаря этой многослойности лексема «тоска» становится **ядром** чеховской художественной системы. Она соединяет индивидуальное и универсальное, психологическое и культурное, конкретное и метафизическое. Тоска выражается сдержанно, «тихо», что делает ее еще более убедительной и психологически достоверной. Таким образом, лингвокультурема «тоска» становится не только средством характеристики персонажей, но и важным элементом художественной атмосферы произведений.

Семантический анализ лексемы «тоска» представляет собой важнейший аспект лингвистического и литературоведческого изучения произведений Чехова. Как уже отмечалось ранее, слово «тоска» несет в себе целый комплекс смыслов и представляет собой не просто эмоцию, но и целостный культурно-философский феномен.

С точки зрения лексической семантики, «тоска» является эмоционально-насыщенной лексемой, обозначающей внутреннее состояние субъекта. Однако в произведениях Чехова это слово часто приобретает разнообразные коннотации, зависящие от конкретного контекста, композиционной структуры текста, речевой характеристики персонажа и общей интонационной направленности произведения.

Современная лингвистика рассматривает семантику как совокупность значений, формируемых в процессе функционирования слова в речи. При этом денотативное значение (буквальное) тесно переплетается с коннотативным (оценочным, ассоциативным, эмоциональным). Анализируя слово «тоска» в чеховских рассказах, необходимо учитывать оба уровня значений.

На денотативном уровне «тоска» чаще всего обозначает следующие явления:

- глубокую душевную боль;
- внутреннюю пустоту;
- скуку, одиночество;
- тревожность, подавленность;
- экзистенциальное страдание.

Таким образом, в денотативном плане «тоска» здесь выступает как эмоциональное состояние, возникающее из-за утраты и социальной изоляции. Однако это лишь базовый уровень значения, поскольку в каждом отдельном рассказе Чехова «тоска» обрывается дополнительными коннотациями.

Чеховская «тоска» никогда не является лишь эмоцией в привычном смысле — она становится носителем философского, этического и даже социального подтекста. Рассмотрим основные типы **коннотативных значений** этой лексемы в рассказах Чехова.

1. Экзистенциальная коннотация (тоска как отчаяние бытия)

В рассказе «Скучная история» (1889) профессор Николай Степанович, находясь на пороге смерти, испытывает глубокую душевную опустошенность, которая выражается через лексему «тоска»:

«Тоска. Вся моя жизнь теперь — тоска и бессонница».

Здесь тоска символизирует потерю смысла жизни, усталость от интеллектуальной деятельности, кризис субъективного «я». Это тоска не о конкретной утрате, а о невозможности жить. Она становится синонимом философского отчуждения.

2. Социальная коннотация (тоска как следствие отчуждения)

Во многих рассказах Чехова тоска обусловлена социальной глухотой окружающих, невозможностью наладить контакт. Это хорошо видно в рассказах «Ионыч» (1898) и «О любви» (1898), где главные герои испытывают разочарование в людях, общественной системе, сами в себе. Тоска здесь окрашена отчуждением, душевной сухостью, социальной инертностью.

Например:

«Он шел домой и чувствовал такую тоску, такую скуку, что хотелось закричать...»

Таким образом, «тоска» становится культурным симптомом, свидетельствующим об эмоциональном климате эпохи.

3. Любовная коннотация (тоска как эмоциональное томление)

В рассказе «О любви» герой испытывает тоску не из-за социальной неудовлетворенности, а из-за невозможности быть с любимым человеком. Это тоска по недостижимому, запретному счастью:

«К счастью или к несчастью, в нашей жизни не бывает ничего, что не кончалось бы рано или поздно»

Таким образом, тоска здесь приобретает романтический оттенок, становясь формой проявления страсти, страдания и любви, лишенной реализации.

4. Тоска как апатия и бессилие

Часто Чехов описывает тоску как состояние эмоционального паралича. Она становится непродуктивной, не ведущей к катарсису или прозрению. Примером может служить рассказ «Человек в футляре», где тоска Беликова — это не страдание, а симптом застоя, внутреннего оцепенения:

«Ему казалось, что все вокруг — враждебно. Все навевало тоску...»

Это особый тип тоски — инертной, холодной, лишенной ярких аффектов, но крайне деструктивной.

5. Метафизическая тоска (тоска как трансцендентное стремление)

В ряде произведений Чехова тоска поднимается на уровень метафизической категории, как стремление к чему-то запредельному, к высшей гармонии. Эта тоска уже не имеет конкретной причины — она похожа на религиозное томление, поиск истины или Бога.

В рассказе «Дом с мезонином» (1896) герой описывает свое тягостное чувство неясного желания:

«Мне было тоскливо. Хотелось куда-то уйти, исчезнуть...»

Здесь тоска предстает как интенция в никуда — результат духовной неудовлетворенности, типичный для интеллигенции конца XIX века.

Лексема «тоска» часто сопровождается другими словами, входящими в ее лексико-семантическое поле, среди которых:

- печаль;
- уныние;
- тревога;
- скука;
- страдание;
- томление;
- апатия;
- холод;
- смерть.

Эти слова выступают как синонимические или *ассоциативные спутники*, усиливая коннотативную насыщенность повествования. Особенно часто встречаются описания тоски через образы природы, цвета (серый, пасмурный), состояний тела (одревенение, дрожь), что говорит о метафорической реализации чувства.

Таким образом, лексема «тоска» в рассказах А. П. Чехова функционирует как многозначное, семантически насыщенное языковое средство, обладающее богатым коннотативным потенциалом. На уровне базовой семантики «тоска» означает эмоциональное страдание, однако в художественном тексте она принимает на себя целый спектр значений: от бытового уныния до философского отчаяния, от любви до социальной изоляции.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что лингвокультурема «тоска» занимает центральное место в языковой картине мира А.П. Чехова. В его произведениях тоска выступает как многомерный культурный концепт, отражающий особенности русской ментальности, экзистенциальные проблемы личности и кризис ценностей эпохи. Чеховская тоска выходит за рамки индивидуального эмоционального состояния, приобретая философское и культурное значение. Она становится способом осмысления человеческого существования, формой внутреннего диалога личности с миром. Тем самым творчество А.П. Чехова подтверждает ключевую роль лингвокультуры в формировании художественного смысла и национальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. — М.: РУДН, 1997. — 331 с.
3. Димитрова, Е. В. Тоска // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград, 2005. — Т. 1. — Сс. 268–273.
4. Мусатаева, М. Ш., Котлярова, И. В. Моделирование эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 75. — С. 94–119.
5. Шмелев, А. Д. Концепты и национальные образы мира / А. Д. Шмелев // Вопросы языкознания. — 2002. — № 2. — С. 17–32.

Поступила в редакцию 28.11.2025 г.

K. D. Chernyshova

"TOSKA" IN CHEKHOV'S WORKS IN A LINGUOCULTURAL TERMS

This article examines the linguacultureme "toska" as a key element of A.P. Chekhov's linguistic worldview. Using the writer's short stories, the semantic, cultural, and pragmatic features of this linguacultureme's representation are analyzed. It is demonstrated that in Chekhov's discourse, toska functions not only as an emotional state of the characters but also as a culturally conditioned component reflecting the specifics of the Russian mentality, the existential quest for the individual, and the crisis of value orientations at

the end of the 19th century. The study draws on the tenets of linguacultural studies and the concept of the linguacultural field proposed and developed by V.V. Vorobyov. It is assumed that the linguacultureme "toska" is the core of the linguacultural field in the writer's artistic world.

Keywords: *linguacultureme, toska, linguistic worldview, A.P. Chekhov. Chekhov, emotive vocabulary, Russian culture.*

Чернышова Ксения Дмитриевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: k_chernushova@vk.com

Chernyshova Kseniya Dmitrievna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undergraduate Student.
E-mail: k_chernushova@vk.com

Панчехина Мария Николаевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

Panchezhina Maria Nikolaevna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of
Russian Language.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции: donrus452@yandex.ru.

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент (Student), магистрант (Undergraduate student), аспирант (Graduate student)), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;

- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: *М. Н. Иванова*;
- третья строка — официальное полное название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*));
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объемом от 80 до 100 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова (5–7 слов, курсивом)**;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,... “...”»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по

ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю)

на английском языке;

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**

- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);

- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие *сведения об авторах и научных руководителях* (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел (например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизированных текстов в интернеткоммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя. Авторы научных статей несут персональную

ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

М. А. Капиносова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал*

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. — № 5. — С. 74–85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

М. А. Kapinosova

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

The article discusses the main functions and the most common mechanisms of creating a creolized text in the field of Internet communication, as well as its impact on the addressee and the influence of logoeepistemic units of precedent phenomena on representatives of various linguistic cultures. The relevance of the topic is due to the need to create a system of basic models for the formation of creolized texts in order to more fully study the types of connections (autosemantic and synsemantic) between verbal and non-verbal components, which will allow for a deeper understanding of the nature of the comic effect and the degree of influence on recipients. The study identified the role and significance of visual information in online communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential.*

Капиносова Мария Александровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Магистрант.

E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Kapinosova Maria Alexandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Undegraduat student.

E-mail: mkapinosova@yandex.com

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Associate Professor of the Department of Russian
Language.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2025. — № 3 (29)

На русском языке

Технический редактор по направлению 5.8. Педагогика — старший преподаватель кафедры русского языка Донецкого национального университета Анна Сергеевна Бурляй.

Технический редактор по направлению 5.9. Филология — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого национального университета Валерия Александровна Рязанова.